

На правах рукописи

ИДРИСОВ Наиль Талгатович

**УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАПРЕТ: ПРИРОДА, ЛЕГАЛИЗАЦИЯ,
ПОСЛЕДСТВИЯ НЕСОБЛЮДЕНИЯ**

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора
юридических наук

Самара – 2025

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева» на кафедре уголовного права и криминологии

Научный консультант: доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Самарской области **Кленова Татьяна Владимировна**

Официальные оппоненты:

Лопашенко Наталья Александровна, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия», кафедра уголовного и уголовно-исполнительного права, профессор;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», кафедра уголовного права, профессор;

Асланян Руслан Георгиевич, доктор юридических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный технологический университет», проректор по стратегическому развитию.

Ведущая организация: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева», г. Екатеринбург.

Защита состоится 10 октября 2025 г. в 13 часов 00 минут на заседании диссертационного совета 24.2.379.07, созданного на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева», по адресу: 443011, г. Самара, ул. Академика Павлова, 1, Самарский университет, корпус 22 в, зал заседаний.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева» https://ssau.ru/resources/dis_protection/idrisov

Автореферат разослан « » _____ 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Норвартян Юрий Сергеевич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. С древнейших времен, с момента первых ростков социализации, к средствам социального регулирования относится запрет. Обращение к запрету закономерно, поскольку с ним связано необходимое определение границ дозволенного поведения. Сбалансированность дозволенного и запрещенного является условием нормального развития общественных отношений, способом обеспечения свободы человека, инструментом охраны его личной безопасности, а также безопасности общества и государства.

История запрета как социального регулятора отражает эволюцию общества, его норм и ценностей, роль человека и государства в онтологии социального бытия. В протообществах запреты, основываясь на инстинктивных, неосознанных психоэмоциональных механизмах, замещали объяснение устройства мироздания первым представителям человечества, становясь базовым элементом в институционализации семьи, культуры, производства. Ранние запреты создавали правилосообразную сферу сознания человека, отвечающую за прием, обработку информации о возможном и недопустимом, редуцируя на основе этих знаний первоисток социального поведения. В традиционных обществах запреты вобрали в себя начала культуры и религии народов, опираясь на мифы, обычаи и уже устоявшиеся социальные иерархии. Нарушение таких запретов рассматривалось не только как оскорбление божеств, но и как социальное нарушение, последствия которого определялись с учетом сословной принадлежности. По мере укрепления государственных отношений сформировался социально-правовой запрет – средство социального управления, с новым механизмом реализации, с опорой на судебную власть и с выраженной социально-информационной функцией.

История запрета связана и с техническим процессом. В современном обществе в связи с развитием технологических процессов объем социальной информации является сверхзначительным. Социальная информация «опоясывает» все сферы жизни общества и образует информационную матрицу общества, и запреты становятся ее важнейшей составляющей, материализуясь прежде всего в кодификациях. Эволюционное накопление запретов в информационной матрице общества сравнимо с эволюцией в биологии: рудиментарные веления изменяются или утрачиваются, формируя новые нормы и правила. В целом социальный процесс накопления правовых запретов свидетельствует о том, что роль этого социального регулятора в обществе не утрачивается, наоборот, имманентно крепнет.

Сегодня правовые запреты по-прежнему находятся в центре формирования социальной реальности, являясь важнейшим инструментом социального управления. При этом сохраняется актуальность важнейшей для любого общества онтологической проблемы – поиска такого баланса между дозволенным и запрещенным, который, с одной стороны, гарантирует фундаментальные интересы индивидов и групп, а с другой – создает условия

для социального и личного прогресса. Среди правовых запретов сильным потенциалом такого гарантирования обладают уголовно-правовые запреты, поскольку обеспечены государственным принуждением (вплоть до смертной казни) как побудительным оператором соблюдения соответствующих исключительных государственно-властных велений.

Особое значение уголовно-правовых запретов объясняется тем, что они направлены на создание условий безопасного социального развития и реализации норм других сфер права. Соответственно, уголовно-правовой запрет – это не просто правило поведения или ограничение, это инструмент гарантирования общественной безопасности, средство защиты личности, общества и государства от наиболее опасных проявлений человеческой агрессии и эгоизма.

В отсутствие системы уголовно-правовых запретов общество рискует погрузиться в хаос, где царит произвол сильного, а слабый беззащитен. Значит, уголовно-правовой запрет является и средством гарантирования социальной справедливости. В современном динамичном социуме, когда меняются политические ландшафты и трансформируются общественные ценности, есть устойчивый запрос на социальную справедливость. И уголовно-правовой запрет, реагируя на социальную опасность поступков, предусматривая за них репрессивные последствия, отвечает на этот фундаментальный запрос.

Являясь системообразующим инструментом социального управления, уголовно-правовой запрет составляет атрибут общества, стремящегося к порядку и безопасности. Его значимость постоянна, несмотря на изменение общественных отношений.

Уголовное право и законодательство меняются, адаптируясь к новым вызовам времени, учитывая ранее неизвестные социальные реалии и совершенствуя механизмы защиты прав и свобод человека, законных интересов общества и государства. Бывает, что происходят труднообъяснимые и неэффективные изменения и дополнения уголовного законодательства. Особенно много критики со стороны ученых в отношении Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), где как раз уголовно-правовой запрет в части уникальной информации концентрируется. В УК РФ, по состоянию на 1 марта 2025 года, неизменными остались только 12 % от общего числа статей УК РФ, действующих в настоящее время; при этом в Особенной части в первоначальном виде сохранились всего 5 статей, а введены 148 статей. При такой активной криминализации зачастую нарушаются механизмы социальной ориентации людей, в процесс социального управления вносятся неясность и путаница. Как следствие, возникают резонные вопросы о легитимации и легитимности уголовно-правовых запретов, а также влиянии дефектов официальных источников уголовного права на реализацию запретов.

Легализация уголовно-правовых запретов представляет социально-правовой процесс, включающий применение правил юридической техники. Несоблюдение этих правил влечет «обесценивание» уголовного права (А. Э. Жалинский), разрушение его «скреп» (Н. А. Лопашенко), правотворческие и правоприменительные «риски» (М. М. Бабаев,

Ю. Е. Пудовочкин), нарушение как внутриотраслевых, так и межотраслевых связей элементов правовой системы (А. Г. Безверхов). Результатом отклонения от правил легализации уголовно-правовых запретов становится произвольное и нелегитимированное внедрение в социальную реальность уголовно-правовых запретов, когда образуется «правовая декомпрессия (патология правоприменения)», снижается или нарушается частота или качество правовых интеракций (Г. К. Варданыц).

В условиях современной стремительной трансформации социально-правовой реальности, официальной непроясненности цели кодификационного процесса, обсуждения возможных форм кодификации (новый уголовный кодекс, новая редакция УК РФ, кодификация судебных позиций и др.), уголовно-правовой запрет требует переосмысления как с точки зрения определения его правовой природы и функций, так и с позиции выработки правил его легализации, которые должны обеспечить эффективное редуцирование запретом социально позитивного поведения лица. В настоящем исследовании предпринята попытка такого переосмысления.

Степень разработанности темы. В российской уголовно-правовой науке уголовно-правовым запретам уделено значительное внимание. Выделяются несколько взаимосвязанных научных направлений, важных для тематики настоящей диссертации. Одно из них сосредоточено на изучении запрещающих норм уголовного права с позиции системы уголовного права, второе – на исследовании систематизации уголовного законодательства и юридической техники регламентации запрещающих уголовно-правовых норм, третье базируется на вопросах применения уголовно-правовых норм и санкционирования за нарушение уголовно-правовых запретов. Будучи взаимозависимыми, все названные направления предлагают базовые знания о природе, легализации, последствиях несоблюдения уголовно-правового запрета. Вместе с тем комплексное видение этих вопросов представлено не было.

Непосредственно к проблемам содержания и эффективности правового запрета и юридической техники обращались С. С. Алексеев, В. М. Баранов, А. Г. Братко, В. М. Горшенев, О. Э. Лейст, А. В. Малько, В. С. Нерсисянц, Т. Н. Радько, В. А. Четвернин, Л. С. Явич и другие исследователи.

Отдельные вопросы легализации и эффективности уголовно-правового запрета в разное время стали предметом научного интереса С. В. Векленко, В. М. Галкина, И. М. Гальперина, Я. И. Гилинского, Ю. В. Голика, П. Ф. Гришанина, А. Э. Жалинского, А. В. Иванчина, Т. В. Кленовой, В. М. Когана, И. Я. Козаченко, А. И. Коробеева, Л. Л. Кругликова, Н. А. Лопашенко, А. В. Наумова, Н. И. Пикурова, Ю. Е. Пудовочкина, А. И. Рарога, Н. Н. Рыбушкина, Т. Р. Сабитова, Л. И. Спиридонова, А. В. Сумачева, П. С. Тоболкина, А. И. Чучаева и других авторов.

Еще в советское время авторским коллективом в составе П. С. Дагеля, Г. А. Злобина, С. Г. Келиной, Г. Л. Кригер, В. Н. Кудрявцева, Т. И. Минаевой, А. М. Яковлева была подготовлена фундаментальная монография «Основания уголовно-правового запрета» (отв. ред. В. Н. Кудрявцев и А. М. Яковлев,

1982 г.), в которой рассмотрены социальные основания уголовно-правового запрета и теоретические основы криминализации и декриминализации.

В настоящий период теоретико-отраслевые вопросы категорирования уголовно-правового запрета, регламентации и реализации системы уголовно-правовых запретов стали предметом анализа всего в двух диссертационных исследованиях: диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук С. А. Маркунцова (2015 г.) и диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук А. Ю. Алаторцева (2018 г.).

Обсуждению уголовно-правового запрета была посвящена Всероссийская научно-практическая конференция «Уголовно-правовой запрет в меняющемся мире: направления трансформации и способы повышения эффективности» (Воронежский государственный университет, 11-12 октября 2024 г.). Формы и перспективы уголовно-правовых запретов специально рассматривались на XXI Международной научно-практической конференции «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке» (МГЮА им. О. Е. Кутафина, 25-26 января 2024 г.).

Таким образом, уголовно-правовой запрет находится в поле внимания научных исследователей, но еще не сформировалось учение об уголовно-правовом запрете, где бы комплексно представлялись понятие, основания, механизм, применение уголовно-правовых запретов. Кроме того, отсутствуют исследования, рассматривающие уголовно-правовой запрет как правовой социально-информационный феномен.

Объект диссертационного исследования составляют уголовно-правовой запрет как правовой социально-информационный феномен и совокупность общественных отношений, связанных с охранительным, регулирующим и информационным воздействием уголовно-правовых запретов.

В качестве **предмета исследования** выступают: факты, закономерности, нормы, официальные источники уголовного права, относящиеся к образованию уголовно-правовых запретов; устоявшиеся методологические постулаты и развивающиеся положения общей теории права и отраслевой доктрины о легализации уголовно-правовых запретов (криминализация, пенализация, легитимация); технико-юридические правила легализации уголовно-правового запрета; дефекты официальных источников уголовного права, транслирующих уголовно-правовой запрет и его элементы; уголовно-правовые последствия несоблюдения уголовно-правовых запретов (квалификация преступлений, квалификационные ошибки и злоупотребления, уголовное наказание и иные меры уголовно-правового характера); юридико-технические условия деятельности по толкованию и применению правовых предписаний, составляющих запрещающую норму уголовного права.

Цель диссертационного исследования состоит в разработке теоретических положений о понимании уголовно-правового запрета, его механизма и легализации; создании концептуально определенных положений о последствиях не только нарушения, но и иных форм несоблюдения уголовно-правовых запретов; научном моделировании прогнозирования реализации уголовно-правовых запретов.

Для достижения указанной цели были поставлены и решены следующие задачи:

- проанализировать генезис уголовно-правового запрета, учитывая множественность его оснований: антропологическое, философско-культурное, религиозное, нравственное, психологическое, социологическое, информационное;
- сформировать понятие уголовно-правового запрета и определить его значение;
- описать механизм уголовно-правового запрета в соответствии с целями социального управления;
- выявить и охарактеризовать функции уголовно-правового запрета;
- определить основания и принципы легализации уголовно-правового запрета;
- проанализировать запрещающую уголовно-правовую норму (и ее предписания) как правовую форму запрета;
- рассмотреть закономерности юридической техники закрепления запрета в официальных источниках уголовного права и их интерпретации;
- определить формы несоблюдения уголовно-правовых запретов и классифицировать их уголовно-правовые последствия;
- исследовать квалификацию преступлений, квалификационные ошибки и злоупотребления с точки зрения эффективности реализации уголовно-правовых запретов;
- проанализировать уголовное наказание и иные меры уголовно-правового характера в значении оператора уголовно-правового запрета;
- установить виды дефектов официальных источников уголовного права, определить их влияние на соблюдение уголовно-правовых запретов;
- выявить потенциал социологических исследований влияния уголовно-правовых запретов на поведение людей в правотворчестве;
- разработать теоретическую модель прогнозирования вариантов противодействия уголовно-правовым запретам как условие повышения качества уголовного закона;
- определить перспективы использования запрещающих норм уголовного права и правил квалификации преступлений в целях социального управления.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней разработана качественно новая теоретическая основа понимания уголовно-правового запрета, его оснований, механизма и легализации: уголовно-правовой запрет рассмотрен в социально-информационной парадигме. В диссертационной работе впервые созданы с применением комплексного подхода концептуально определенные положения о противодействии не только нарушению, но и в целом несоблюдению уголовно-правовых запретов путем квалификации преступлений, уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера, преодоления квалификационных ошибок и злоупотреблений, а также дефектов официальных источников уголовного права; осуществлено научное моделирование прогнозирования реализации уголовно-правовых запретов.

Научной новизной обладают: вывод о достижении в эволюционном развитии запрета уровня правового социально-информационного явления; авторская трактовка уголовно-правового запрета как состоящего из веления о недопустимости социально опасного акта поведения человека и побудительного оператора – негативного уголовно-правового последствия его несоблюдения; авторское определение механизма уголовно-правового запрета как комплекса социально-правовых элементов и процесса их взаимодействия, в том числе на психологическом уровне: внешнего веления, побудительного оператора («энергии» запрета), адресатов, правилосообразной сферы их сознания. К новым результатам допустимо отнести определение категориального ряда: запрет – правовой запрет – уголовно-правовой запрет – запрещающая уголовно-правовая норма; выделение этапов легализации уголовно-правового запрета; включение информационной составляющей в качественные характеристики уголовно-правового запрета и разработку правил эффективной легализации уголовно-правового запрета как властного информационного сообщения; рассмотрение судебной практики с позиции информационной среды реализации уголовно-правового запрета.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в развитии учения об уголовно-правовом запрете. Расширены методологическая база и понятийный аппарат учения об уголовно-правовом запрете. В парадигме социально-информационного обоснования сформированы теоретические положения об уголовно-правовом запрете, его основаниях, механизме и легализации. Использованный в работе мультидисциплинарный подход к исследованию уголовно-правового запрета позволил выявить новые возможности в определении качественного и оптимального содержания запрещающих норм уголовного права, а также создать научную модель механизма редуцирования уголовно-правовым запретом позитивного социального поведения человека. В соответствии с мультидисциплинарным подходом уголовно-правовой запрет рассмотрен не только с позиции уголовно-правовых наук (прежде всего уголовного права и криминологии) и общей теории права, но и в психологическом, социологическом, антропологическом и философском аспектах. Разработанные в диссертации положения методологического характера создают условия для совместных исследований специалистов в области общей теории права, уголовного права и иных отраслей права, социологии, психологии и др. по проблеме разграничения дозволенного и запрещенного поведения.

Результаты диссертации могут способствовать развитию таких направлений уголовно-правовой доктрины, как антропология уголовного права, социология уголовного права, а также учений уголовного права: о норме и системе уголовного права, систематизации уголовного законодательства, квалификации преступлений, уголовном наказании и иных мерах уголовно-правового характера.

Практическое значение диссертационного исследования состоит в получении новых знаний о путях повышения эффективности уголовно-правовых запретов, которые уже использованы в учебном процессе

юридического института Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева.

Положения и выводы диссертации о легитимации и легитимности уголовно-правовых запретов, а также влиянии дефектов официальных источников уголовного права на реализацию запретов могут быть полезны для совершенствования российского уголовного закона и практики его применения. Как следствие, они могут рассматриваться как фактор стабилизации и унификации правил квалификации преступления, уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера. Ряд положений диссертации о судебных позициях может быть учтен в процессе подготовки постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Новые концептуальные идеи об уголовно-правовом регулировании апробированы соискателем в процессе сотрудничества с Комитетом по охране здоровья Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, а также при проведении массового опроса специалистов (путем анкетирования): депутатов Законодательного Собрания Санкт-Петербурга, судей, сотрудников правоохранительных органов, адвокатов.

Методология и методы диссертационного исследования охватывают совокупность современных философских, общенаучных и специально-научных способов и средств познания, обеспечивающих объективность и всесторонность изучения уголовно-правового запрета.

Методологический базис диссертации составляют диалектический метод познания социально-правовых процессов и явлений с присущими ему требованиями объективности, всесторонности, историзма, истины, а также комплексное (мультидисциплинарное) исследование права. Примененный комплексный подход включает методы антропологии, психологии, социологии, синергетики и юриспруденции, что позволило сформировать парадигму социально-информационного обоснования уголовно-правового запрета.

В диссертации использованы общенаучные методы анализа (исследование отдельных элементов уголовно-правового запрета), синтеза (объединение полученных в результате анализа знаний о социально-информационной природе уголовно-правового запрета в целостную систему), индукции (изучение отдельных уголовно-правовых запретов, легализованных посредством определенных запрещающих норм уголовного права), дедукции (применение общих теоретических положений о правовых запретах, принципах права и уголовной политике к конкретным уголовно-правовым запретам). Кроме того, в работе применен метод аналогии (уголовно-правовой запрет исследован в сравнении с другими социальными запретами для выявления общих черт и особенностей), абстрагирования (запрещающая норма уголовного права рассмотрена как инструмент изъятия и легализации социальной необходимой информации о недопустимости социально опасного акта поведения из структур общественного бытия) и конкретизации (применены общие положения об уголовно-правовом запрете к властным велениям в сфере профессиональной медицинской деятельности, личной и общественной безопасности).

Запрет как родовое явление представлен как особый вид властной социальной информации, что подтверждается результатами системного применения методов кибернетики и информатики в рамках настоящего исследования.

В настоящем диссертационном исследовании важную роль выполняют методы и приемы социологии, такие как статистический анализ данных и массовый опрос (анкетирование) специалистов в целях выявления проблем легализации и применения уголовно-правовых запретов. Всего в анкетировании приняли участие 842 специалиста, среди которых были 20 депутатов Законодательного Собрания города Санкт-Петербурга. Экспертное мнение этих участников особенно ценно для понимания целей и закономерностей легализации уголовно-правовых запретов. Для выявления проблем реализации уголовно-правовых запретов были опрошены 795 практических работников, включая судей, сотрудников прокуратуры, следователей Следственного комитета РФ, сотрудников МВД России, с опытом применения уголовно-правовых запретов, а также адвокатов. Отдельной категорией экспертов выступили сотрудники аппаратов уполномоченных по правам человека, по правам ребенка, по правам предпринимателей (всего 27), которые осуществляют контроль за соблюдением прав и свобод человека, в том числе в сфере применения уголовного закона; оценка этих экспертов важна для выявления проблем, связанных с ограничением прав и свобод граждан при применении уголовно-правовых запретов, а также при разработке мер по их предотвращению. Метод анкетирования применен также в целях выявления общественного мнения населения Российской Федерации по вопросам сущности и эффективности уголовно-правовых запретов, что позволило оценить уровень осведомленности граждан о содержании уголовного закона, выявить механизмы редуцирования уголовно-правовых запретов индивидуального и социального поведения (всего в анкетировании приняли участие 356 респондентов).

Выбор парадигмы социально-информационной природы уголовно-правового запрета обусловлен применением методов теории информации, которые позволили рассмотреть запрещающую норму уголовного права как информационное сообщение, обладающее свойством энтропии (согласно теории Шеннона). Источником уголовно-правового запрета признается социальная реальность, а средствами ее изъятия, определения актуальности, достаточности, достоверности и устойчивости являются методы социологии.

В диссертации использованы гносеологические возможности системного метода, предполагающего исследование запрещающей уголовно-правовой нормы как системы в единстве образующих ее предписаний и их связей как между собой, так и с внешней социальной средой; структурно-функционального метода, ориентированного на познание отдельных элементов уголовно-правового запрета; институционального метода, позволяющего осмыслить легализацию уголовно-правового запрета с точки зрения формирования норм и институтов, адекватно отражающих качественную характеристику уголовно-правовых отношений; интервального метода, в

соответствии с которым признаются ограниченные возможности любой исследовательской методологии в познании сложных объектов и допускается непротиворечивый синтез различных подходов к их познанию в пределах имеющихся познавательных «интервалов».

Нормативную основу диссертационного исследования составляют Конституция РФ, постановления и определения Конституционного Суда РФ, международные правовые акты, Уголовный кодекс РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, иные федеральные законы, постановления Государственной Думы Федерального Собрания РФ об объявлении и порядке применения амнистии, постановления Пленума Верховного Суда РФ и иные официальные документы, а также утратившее силу российское законодательство, уголовное законодательство ряда зарубежных стран.

Эмпирическая база диссертационного исследования включает в себя:

- тексты современных и действовавших ранее уголовных законов, а также законопроекты, которыми предусматривались введение новых и исключение действовавших статей УК РФ, и официальная сопроводительная документация к ним;

- 200 приговоров по уголовным делам, рассмотренным судами Самарской, Московской, Ульяновской областей, Забайкальского и Краснодарского краев, а также города Санкт-Петербурга;

- экспертные оценки, полученные в результате опроса 842 экспертов (20 депутатов Законодательного Собрания Санкт-Петербурга; 27 сотрудников аппарата Уполномоченных по правам человека, по правам ребенка и по правам предпринимателей; 92 судей Второго кассационного суда и судов общей юрисдикции Санкт-Петербурга и Самарской области; 470 следователей следственных управлений Следственного комитета РФ, осуществляющих правоприменительную деятельность в Самарской, Калининградской, Нижегородской, Ульяновской, Челябинской, Ленинградской областях, Чувашской Республике, Республике Марий Эл, Пермском крае, Санкт-Петербурге, и сотрудников ГУ МВД по Санкт-Петербургу и Ленинградской области; 115 сотрудников Прокуратуры Санкт-Петербурга и Самарской области; 118 адвокатов);

- результаты анкетирования 356 граждан, проживающих в 12 субъектах Российской Федерации;

- правовые позиции Конституционного Суда РФ, отраженные в его постановлениях и определениях (22 документа);

- судебные позиции, опубликованные в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ (14 документов);

- судебные позиции, опубликованные в обобщениях судебной практики Верховного Суда РФ по уголовным делам (12 документов);

- материалы контент-анализа научных публикаций по вопросам правовой природы, регламентации и реализации правовых запретов, включая уголовно-правовые запреты.

Теоретической основой диссертационного исследования являются труды отечественных и зарубежных ученых, изданные в разные периоды XX века и в современный период.

Публикации по общей теории права, посвященные механизму правового регулирования и его элементам, включают работы таких авторов, как С. С. Алексеев, Н. А. Власенко, В. М. Горшенев, М. Л. Давыдова, О. Э. Лейст, А. В. Малько, А. В. Мицкевич, П. Е. Недбайло, В. С. Нерсисянц, А. С. Пиголкин, Р. А. Ромашов, Л. С. Явич и др.

В числе работ, в которых анализируются проблемы системности уголовного права, можно выделить исследования Р. Г. Асланяна, А. И. Бойко, А. В. Денисовой, М. С. Жука, Л. В. Иногамовой-Хегай, Т. В. Кленовой, И. Я. Козаченко, В. П. Коняхина, Н. М. Кропачева, Н. А. Лопашенко, В. В. Мальцева, С. А. Маркунцова, З. А. Незнамовой, Н. И. Пикурова, Ю. Е. Пудовочкина, Б. Т. Разгильдиева, В. Д. Филимонова, Б. В. Яценко.

Труды об уголовном законе, его систематизации и юридической технике представлены исследованиями В. М. Баранова, А. Г. Безверхова, М. И. Блум, А. И. Бойцова, Б. В. Волженкина, В. М. Галкина, А. А. Герцензона, Д. В. Голенко, Ю. В. Грачевой, П. С. Дагеля, Н. Д. Дурманова, А. Э. Жалинского, Г. А. Злобина, О. В. Ермаковой, А. В. Иванчина, С. Г. Келиной, М. И. Ковалева, А. И. Коробеева, Л. Л. Кругликова, Г. Л. Кригер, Н. Ф. Кузнецовой, Л. В. Лобановой, В. П. Малкова, М. В. Талан, К. В. Ображиева, К. К. Панько, А. А. Пионтковского, А. И. Рарога, Э. С. Тенчова, Ю. А. Тихомирова, С. С. Тихоновой, П. С. Тоболкина, А. Н. Трайнина, М. Д. Шаргородского, О. Ф. Шишова, В. Ф. Щепелькова, А. И. Чучаева и других исследователей.

Проблемы применения уголовного закона отражены в публикациях Е. В. Благова, Л. Д. Гаухмана, И. М. Гальперина, А. А. Герцензона, И. И. Горелика, А. И. Игнатова, Н. Г. Кадникова, А. В. Корнеевой, В. Н. Кудрявцева, Б. А. Куринова, Г. М. Миньковского, А. В. Наумова, А. С. Новиченко, Р. А. Сабитова, Ю. Ю. Соковых, Ф. Р. Сундунова, И. А. Тарханова, А. А. Толкаченко, А. Н. Трайнина, В. Г. Шумихина и других авторов, создавших и развивших теорию применения уголовного закона, в том числе квалификации преступлений.

Положения, выносимые на защиту.

1. В настоящем исследовании сформирован категориальный ряд: запрет – правовой запрет – уголовно-правовой запрет – запрещающая уголовно-правовая норма.

Запрет рассмотрен как самостоятельная форма социального управления, то есть властное веление социального актора к индивиду (группе индивидов) о недопустимости определенного поведенческого акта (паттерна поведения) под угрозой негативных последствий для адресата запрета в целях обеспечения социальной дисциплины. Правовой запрет отличается объективированным (закрепленным) в правовых актах государственно-властным велением о недопустимости асоциального поведения, обеспечиваемым к исполнению принудительной силой государства. Уголовно-правовой запрет является

основной разновидностью правового запрета и представляет собой двуединство государственно-властного веления о недопустимости общественно опасного акта поведения человека и его побудительного оператора – негативного уголовно-правового последствия несоблюдения соответствующего веления в виде мер уголовно-правового принуждения. Запрещающая норма уголовного права признается атрибутивной правовой формой запрета. Перевод уголовно-правовых запретов в реальное поведение людей предполагает этапы их легализации (криминализация, пенализация, легитимация) и непосредственное включение соответствующих запрещающих норм в уголовно-правовое регулирование общественных отношений.

2. Механизм уголовно-правового запрета определен как комплекс социально-правовых элементов и процесс их взаимодействия, прежде всего на психологическом уровне. Он включает следующие составляющие: внешнее веление – выдвигаемое государством требование о недопустимости общественно опасного поведения; побудительный оператор («энергия» запрета) – мотивационная сила запрета, состоящая в возможности наступления неблагоприятных последствий нарушения внешнего веления в виде уголовного наказания или иных мер уголовно-правового характера; адресат – человек (или общество в целом), чьи поведенческие акты должны быть сообразованы с велением запрета; правилосообразная сфера индивидуального и общественного сознания – формируемая в процессе социализации часть линейно-логического мышления людей, состоящая в осознании, переживании и накоплении содержания требований о недопустимости определенного поведенческого акта.

3. Ближайшая социальная цель уголовно-правового запрета – обеспечение социальной дисциплины – высвечивает следующую (генеральную) цель уголовно-правового запрета: обеспечение социальной стабильности и сохранения конструктивных, основополагающих элементов социального организма. Недопущение общественно опасного поведения человека признается юридической (непосредственной) целью уголовно-правового запрета.

4. В общую характеристику уголовно-правового запрета включены его функции, под которыми понимаются основные направления воздействия антиделиктного веления и побудительного оператора на сознание индивидов в механизме уголовно-правового запрета в целях недопущения асоциального поведения, обеспечения социальной дисциплины и гарантирования социальной стабильности. Обосновывается значимость деления функций уголовно-правового запрета на социальные и юридические. К социальным функциям уголовно-правового запрета относятся: аксиологическая, функция социализации, обеспечения социальной безопасности и социального порядка, интегративная (социальной солидарности), воспитательная, а также функции социальной логики и ориентации. Юридическими функциями уголовно-правового запрета являются регулятивная, охранительная и предупредительная.

5. В рамках настоящего исследования обосновано, что действие уголовно-правовых запретов разнонаправлено: с результатами социальной стабилизации и социального развития. Происходит непрерывный процесс накопления

властной социальной информации о недопустимости общественно опасного акта поведения человека и негативных последствиях несоблюдения такого веления, а также социального программирования поведения людей. Это прямой путь к саморегуляции как человека, так и общества, когда репрессивный побудительный оператор запрета уходит на второй план, а целостность социальной системы и ее эффективное развитие основывается на свободном выборе поведения.

6. Определено, что основаниями возникновения уголовно-правового запрета являются два социальных интереса: во-первых, интерес к правовой охране фундаментальных основ жизнедеятельности и безопасности человека, общества и государства, а также стабильности социума и его онтологии (консервативное основание); во-вторых, интерес к развитию социальных связей, социальному прогрессу (динамическое / инновационное основание).

7. Проведенное исследование показало, что фундаментальные правила образования уголовно-правовых запретов являются общими для криминализации, пенализации и легитимации уголовно-правового запрета, которые включены в процесс его легализации (принципы легализации уголовно-правового запрета).

Легализация уголовно-правового запрета – это обусловленный социальной необходимостью и поддерживаемый правосознанием (легитимация) процесс формирования и официального закрепления государственно-властного веления о недопустимости общественно опасного акта поведения человека (криминализация), сопряженный с наделением запрета побудительным оператором (пенализация).

Легитимация – это социально-исторический процесс, в ходе которого власть, политический режим, социальные институты и нормы, включая правовые институты и нормы, обретают признание и поддержку со стороны общества. Свойство социально-правовых феноменов, которые прошли процесс легитимации, именуется легитимностью.

8. Запрещающие нормы уголовного права закреплены в Уголовном кодексе РФ. Вместе с тем УК РФ – не единственный официальный источник запрещающих уголовно-правовых норм, со смысловым и формально-юридическим содержанием уголовно-правового запрета и государственно-властным значением для адресата нормы. К таким источникам относятся также Конституция РФ, акты международного права, специальные уголовные законы, специальные иные законы (без уголовно-правовой отраслевой принадлежности, но непосредственно включенные в уголовно-правовое регулирование), подзаконные акты, постановления Государственной Думы Федерального Собрания РФ об амнистии.

Акты судебной практики являются нетипичным источником уголовного права России. При этом в значении источника уголовного права могут рассматриваться не все из них, а те, которые выражают судебную позицию. Судебная позиция по уголовным делам – это императивное правило для целей правоприменения, содержащее новое уголовно-правовое положение, обеспеченное системой правовых аргументов, сформированное

Конституционным Судом РФ или Верховным Судом РФ в результате системного толкования правовых принципов, уголовного законодательства, судебной практики.

9. Механизм закрепления уголовно-правового запрета в кодифицированном уголовном законе предполагает распределение властной социальной информации о недопустимости общественно опасного акта поведения индивида под угрозой применения мер уголовно-правового воздействия в правовые предписания, выполняющие функции гипотезы, диспозиции, санкции запрещающей уголовно-правовой нормы и фиксацию таких предписаний согласно технико-юридическим правилам и требованиям построения кодифицированного уголовного закона.

Механизм закрепления уголовно-правового запрета в актах Конституционного Суда РФ предполагает изменение содержания ресурса правовой нормы или побудительного оператора в условиях действующего уголовного закона путем замены правового предписания, признанного неконституционным, на предписание акта конституционно-судебного правотворчества.

Механизм закрепления уголовно-правового запрета в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ активизирует не законодательный, но фактически сложившийся способ объективации общеобязательной властной социальной информации о недопустимости социально опасного акта поведения индивида и негативных уголовно-правовых последствиях совершения такого акта. При этом предписания акта судебного правотворчества включаются в уголовно-правовой запрет, выполняя функцию гипотезы, диспозиции или санкции запрещающей уголовно-правовой нормы, и собираются как части единой нормы в процессе правоприменения.

10. Судебная практика – это информационная среда реализации уголовно-правового запрета, то есть совокупность информационных ресурсов и технологий понимания и применения, обработки, хранения, распространения и потребления властной информации о недопустимости социально опасного акта поведения индивида и уголовно-правовых последствиях его совершения. Основная функция судебной практики как детерминанты определенности уголовно-правового запрета состоит в обеспечении его доступности и снижении энтропийности (правовой неопределенности, непонятности) нормы. В результате формирования определенности уголовно-правового запрета в системе судопроизводства происходит установление стандарта позитивного и негативного поведения индивида.

11. Сфера эффективного принятия информации ограничена ожиданием реципиента и характеризуется низким уровнем энтропии. Поэтому эффективный уголовно-правовой запрет должен удовлетворять потребность реципиента в понижении уровня энтропии и излагаться кодом, который адекватно отражает смысл правовой нормы и направлен на качественное социальное управление.

12. С применением комплексного подхода в диссертации обоснованы положения о преодолении несоблюдения уголовно-правовых запретов путем

качественной квалификации преступлений, правильно назначенного уголовного наказания и иных мер уголовно-правового воздействия, исправления правоприменительных ошибок и ответственности за злоупотребления при осуществлении правосудия, а также коррекции дефектов официальных источников уголовного права.

Сформированы практически значимые рекомендации, например: определены принципы и правила легализации уголовно-правового запрета; сделан акцент на изложении уголовно-правовых запретов способом и инструментами, гарантирующими достижение правилосообразной сферы сознания человека; обоснована необходимость преодолевать дефекты источников уголовного права во всем их разнообразии и системно, а не фокусироваться только на качестве уголовного закона и законодательной технике формирования составов преступлений; предложено осуществить кодификацию судебных позиций; отстаивается правило обоснования и дифференциации всех мер уголовного принуждения, включая иные меры уголовно-правового характера, с учетом социальной опасности акта поведения человека в целях эффективного социального управления; предложено и в законотворческом, и в правоприменительном процессах руководствоваться программой прогнозирования противодействия уголовно-правовым запретам. В диссертации описана модель прогнозирования противодействия уголовно-правовым запретам, включающая в себя концептуальную формулу прогнозирования противодействия уголовно-правовым запретам, основанную на когнитивном подходе, и программу прогнозирования прямого противодействия уголовно-правовому запрету; разработана программа прогнозирования прямого противодействия уголовно-правовому запрету, установленному статьей 151.1 УК РФ, на продажу несовершеннолетним табачной и иной аналогичной продукции, а также сценарии противодействия этому уголовно-правовому запрету.

13. Социально-информационный подход позволяет заключить, что квалификация преступления представляет собой деятельность правоприменителя, направленную на проверку тождества информационных правового и фактического сегментов. Результат этой деятельности формализуется в уголовно-процессуальных документах в виде оценки установленного акта поведения человека как преступления определенного вида со ссылкой на статью (пункт, часть статьи) Уголовного кодекса РФ.

Для бланкетно выраженных норм в правовой информационный сегмент включаются также необходимые предписания иноотраслевых источников. Исходя из вертикальных информационных связей запрещающих норм уголовного права с принципами уголовного права, правильная квалификация преступлений предполагает необходимость установления осознания человеком, совершившим общественно опасное деяние, не только несоблюдения уголовно-правового запрета, но и специальных правил, легализованных в правовых предписаниях иноотраслевого характера.

При этом правильная квалификация свободна от непреднамеренного и от преднамеренного информационного искажения. Она является маркером

принципиальной и объективной позиции государства в уголовной политике, положительно влияет на формирование правовой культуры населения как необходимого атрибута правового государства.

14. Природа уголовного наказания определяется в двух аспектах: информационном (как информация о негативных для осужденного уголовно-правовых последствиях нарушения уголовно-правового запрета с воздействием на сознание человека в целях обеспечения социального управления и гарантирования законных интересов иных лиц, общества и государства) и социально-правовом (как мера государственного правоограничительного воздействия на поведение человека, совершившего общественно опасный поступок).

15. Под иными мерами уголовно-правового характера понимаются самостоятельные средства государственного правоограничительного воздействия на человека за совершение социально опасного акта, отличные от уголовного наказания, легализованные и транслируемые УК РФ. Они обусловлены спецификой социально-правового устройства общества и сочетают в себе цели восстановления социальной справедливости, исправления, предупреждения повторных нарушений уголовно-правовых запретов. Кроме того, они нацелены на восстановление социально полезных свойств и качеств личности.

16. Дефекты официальных источников уголовного права, состоящие в неправильном определении властной социальной информации, подлежащей легализации, имеют социально-правовую природу. Они могут нарушать социальные связи и препятствовать восприятию социальной реальности, в результате чего источник уголовного права теряет способность к выполнению поставленных целей и задач. К таким дефектам относятся: неопределенность или неправильный выбор цели и задач; несоответствие или неполное соответствие Конституции РФ и общепризнанным принципам и нормам международного права; незнание или неадекватное отображение социальных интересов, подлежащих уголовно-правовой охране; неучет социальных последствий действия предписаний и норм соответствующего источника; несвоевременность правовой нормы или в целом правового акта, изменений (дополнений) правового акта.

17. Социологическое обоснование законодательной деятельности требует профессионального социологического участия и постоянного мониторинга по разным направлениям социальной реальности по направлениям законодательных инициатив. Следует обеспечить эффективное взаимодействие законодателей со специализированными государственными и негосударственными социологическими организациями (например, Институт социологии ФНИСЦ РАН) и создать в Государственной Думе РФ специальное подразделение, которое на профессиональной основе будет заниматься социологическим мониторингом в целях сопровождения законодательного процесса. При таких условиях деятельность законодателей будет обеспечена необходимым первичным материалом, а легализуемая социальная информация будет проверяться на пригодность и эффективность.

18. Следует изучать и учитывать не только позитивное влияние уголовно-правовых запретов на поведение людей, но и неуспешное, когда проявляются типичные варианты саботажа и иного противодействия уголовно-правовым запретам. Самостоятельным направлением прогнозирования реализации уголовно-правовых запретов является прогнозирование противодействия уголовно-правовым запретам, под которым понимается научно обоснованная деятельность исследователя, состоящая в определении закономерностей развития уголовно-правового запрета в их соотношении с когнициями людей – законодателей и адресатов властной социальной информации о недопустимости социально опасного акта поведения человека под угрозой применения мер уголовно-правового принуждения, которые прошли процесс трансформации из личных смыслов в социальный.

19. Для решения вопроса об обязательности прогнозирования социально-правовых последствий правотворческой деятельности обоснована рекомендация о внесении дополнения в Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22.01.1998 г. № 2134-П ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания РФ». Предложено п. «а» ч. 2 ст. 105 Регламента изложить в следующей редакции: «а) пояснительная записка к законопроекту, содержащая предмет законодательного регулирования и изложение концепции предлагаемого законопроекта, мотивированное обоснование необходимости принятия и одобрения законопроекта, а также научно-обоснованный прогноз социально-правовых последствий реализации законопроекта».

20. В связи с развитием технологических процессов, биотехнологий и генетики в основные направления развития запрещающих норм уголовного права и правил квалификации преступлений должны быть включены: 1) разработка правовых рамок для определения ответственности за действия роботов и искусственного интеллекта, особенно в случаях, когда они причиняют вред или совершают преступления; 2) противодействие криминальному использованию криптовалюты, включая отмывание имущества, полученного другими лицами преступным путем, финансирование терроризма, коррупцию и уклонение от уплаты налогов; 3) противодействие атакам на критически важную инфраструктуру, совершенным с использованием цифровых технологий; 4) четкие законодательные определения виртуальных активов, цифровой собственности, виртуальной личности для целей уголовно-правовой охраны новейшего вида цифрового имущества; 5) легализация властной социальной информации о недопустимости криминального использования технологии deepfake (методика синтеза изображения или голоса, основанная на искусственном интеллекте); 6) создание самостоятельной главы уголовного закона, а также разработка системы правил квалификации преступлений, совершаемых в сфере генетики и биотехнологий.

21. Будущее в использовании запрещающих норм уголовного права и правил квалификации преступлений в целях социального управления связано в основном с активным внедрением технологий, индивидуализацией ответственности и превентивным криминологическим подходом. Эти стратегии

открывают новые возможности для справедливого и результативного уголовно-правового регулирования, но в то же время требуют решения сложных этических, социальных и правовых проблем.

Степень достоверности полученных результатов исследования.

Теоретические положения построены на известных, проверяемых данных, согласуются с опубликованными материалами по теме диссертации и смежным темам. Проведен комплексный анализ широкого круга официальных источников российского уголовного права, материалов отечественной судебной практики, специальной литературы. Установлено качественное совпадение ряда авторских выводов с результатами, представленными в независимых исследованиях по данной тематике, их сочетание задействовано в работе в качестве доказательственных аргументов. Высокая степень достоверности результатов исследования подтверждается базированием положений диссертации на экспертных оценках участников законотворческого процесса и правоприменительной деятельности, а также материалах опроса представителей государственной власти и гражданского общества, собранных соискателем в процессе подготовки диссертации. Был проведен массовый опрос 842 специалистов, включая представителей законодательной власти, судей и должностных лиц правоохранительных органов, сотрудников аппарата Уполномоченных по правам человека, по правам ребенка и по правам предпринимателей; учтено мнение 356 граждан.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации содержатся в публикациях соискателя. По теме исследования опубликовано 63 научные работы, в том числе 2 монографии и 17 статей – в журналах, отнесенных к категории К1 и К2; всего 26 статей в журналах, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук (25 статей выполнены без соавторства).

Концептуальные положения диссертации и ее результаты отражены в выступлениях автора на 24 научно-практических конференциях, среди которых: VIII Российский конгресс уголовного права «Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года)» (г. Москва, 30–31 мая 2013 г.); XIV Международная научно-практическая конференция «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке» в МГЮА им. О. Е. Кутафина (г. Москва, 26-27 января 2017 г.); XV Международная научно-практическая конференция «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке» в МГЮА им. О. Е. Кутафина (г. Москва, 25-26 января 2018 г.); XI Российский конгресс уголовного права «Обеспечение национальной безопасности – приоритетное направление уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной политики», посвященный памяти профессора Владимира Сергеевича Комиссарова (г. Москва, 31 мая – 1 июня 2018 г.); международная научно-практическая конференция «25-летие Уголовного кодекса Российской Федерации: актуальные проблемы кодификации и правоприменения» (г.

Самара, 8 октября 2021 г.); «круглый стол», организованный Комитетом Государственной Думы по охране здоровья на тему «Обеспечение безопасности медицинских работников в новых условиях» (г. Москва, 17 ноября 2023 г.); XI Петербургский международный юридический форум (г. Санкт-Петербург, 11-13 мая 2023 г.); X юбилейный международный конгресс «Актуальные вопросы судебной медицины и экспертной практики – 2023» (г. Москва, 19-20 апреля 2023 г.); XXI Международная научно-практическая конференция «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке» в МГЮА им. О. Е. Кутафина (25-26 января 2024 г.); Чебоксарский международный юридический форум «Волга-2025» (17-19 апреля 2025 г.).

Положения диссертации были применены при проведении занятий по дисциплинам «Уголовное право», «Актуальные проблемы Общей части уголовного права», «Теория и практика квалификации преступлений» в Самарском национальном исследовательском университете имени академика С.П. Королева, Санкт-Петербургском институте (филиале) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, а также в системе повышения квалификации следователей Следственного комитета Российской Федерации и сотрудников Федеральной службы судебных приставов.

Структура работы определяется ее целью, поставленными задачами и логикой исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, объединяющих шестнадцать параграфов, заключения, списка литературы и четырех приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования и степень ее научной разработанности; определяются объект, предмет, цель и задачи диссертации; раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования; излагается методология исследования; характеризуются нормативная, эмпирическая, теоретическая основы диссертации; формулируются положения, выносимые на защиту; доказываемая степень достоверности материала; приводятся сведения об апробации результатов диссертации.

Первая глава «Уголовно-правовой запрет как средство социального управления» объединяет три параграфа. В первом из них «Генезис запрета в социальном управлении» отмечается недостаточная оцененность в научной литературе запрета в значении средства социального управления. В настоящем исследовании доказана необходимость социально-правовой трактовки запрета; и в социологии управления, и в юридических науках обращение к запрету закономерно, поскольку нет другого пути для решения общей задачи определения пределов дозволенного (неопасного) поведения. При этом запрет рассматривается как сложное, многоуровневое социально-правовое явление, которое возможно понять, учитывая множественность его оснований и

проявлений: антропологических, философско-культурных, религиозных, нравственных, психологических, информационных. История запрета связана и с техническим процессом. В современном обществе в связи с развитием технологических процессов в атрибутивных характеристиках запрета особо необходима информационная составляющая. Исследование генезиса запрета позволило прийти к выводу об эволюционном развитии запрета с достижением уровня правового социально-информационного явления.

Установлено, что развитие запретов происходило через совершенствование механизмов его реализации, но не оснований и источников. Комплексный (мультидисциплинарный) подход к исследованию запрета показал, что его эволюция осуществляется в двух направлениях: изменяется содержание не только запрета-правила, но и побудительного оператора запрета как элемента его механизма. Соответственно, запрет определен как санкционированное веление: то есть властное веление социального актора к индивиду (группе индивидов) о недопустимости определенного поведенческого акта (паттерна поведения) под угрозой негативных последствий для адресата запрета в целях обеспечения социальной дисциплины.

Из положения о непрерывном воспроизводстве запретов социальными структурами и цикличном характере взаимодействия запретов со структурами сознания следует вывод о взаимообусловленности и взаимовлиянии внешнего механизма запрета (социального воздействия на индивида) и внутреннего (индивидуального, основанного на структурах сознания лица). Обосновано, что запреты формируют сферу человеческого сознания и, становясь составной частью сознания, регулируют поведение лица в целях обеспечения нормативного порядка. Запреты обеспечивают внешнюю и внутреннюю регуляцию человеческого поведения, при этом выступают способом сохранения стабильности социальной системы, ее жизнедеятельности.

Во втором параграфе первой главы «Механизм правового запрета в социальном управлении» правовой запрет представлен как объективированное (закрепленное) в правовых актах государственно-властное веление о недопустимости асоциального поведения, обеспечиваемое к исполнению принудительной силой государства. Правовой запрет воздействует целенаправленно, имеет конкретную задачу в процессе социального управления, адресатов воздействия и соответствующий механизм. Механизм правового запрета (в том числе уголовно-правового) – это комплекс социально-правовых элементов и процесс их взаимодействия, в том числе на психологическом уровне.

Для целей механизма правового запрета определены структурные элементы запрета: внешнее веление (выдвигаемое социальным актором требование о недопустимости определенного поведенческого акта), побудительный оператор (мотивационная сила запрета, состоящая в возможности наступления неблагоприятных последствий нарушения внешнего веления), адресаты (человек, общество в целом, чьи поведенческие акты должны быть сообразованы с велением запрета), правилосообразная сфера сознания человека (формируемая в процессе социализации личности часть

линейно-логического мышления лица, состоящая в осознании, переживании и накоплении содержания требований о недопустимости определенного поведенческого акта).

С применением информационного подхода доказано, что механизм правового запрета предполагает индивидуальный и публичный уровень реализации. Правовой запрет на индивидуальном уровне в механизме социального управления редуцирует позитивное поведение субъекта через отражение действительности в сознании субъекта. При этом именно в данном контексте происходит преобразование бытия правового запрета в оболочке правовой нормы, закреплённой в правовом акте (то есть формально определенного предписания, текста закона), в систему социальной дисциплины. Следующим является публичный уровень, который не учитывает внутренние особенности человека, а обеспечивает социальную дисциплину в социальных группах и обществе в целом. Доказано, что нарушение образца поведения, его модели, возможно выявить только в рамках социального взаимодействия.

Использование правового запрета в процессе социального управления предполагает замкнутый процесс взаимовлияния и взаимного развития внешнего веления и внутреннего сознательного отражения такого веления. Данный процесс не может быть разомкнут. Властное веление и результат такого веления в виде позитивного или негативного поведенческого акта индивида посредством информационных связей образуют элементы, составляющие информационную матрицу общества.

В исследовании обоснован вывод, что правовые запреты являются социальным благом (как и право в целом). Это так, пока их закрепление и применение отличается социальной востребованностью, сбалансированностью и научной обоснованностью. Только тогда возможно гармоничное развитие индивида и общества, эффективное развитие социальных институтов и государства в целом. Запреты, не отвечающие идее социальной востребованности, легализованные в целях обеспечения интересов какой-либо узкосоциальной группы, в корыстных и иных антигуманных целях, влекут коррозию социальных связей, их разрушение и возможную бифуркацию всего социума.

В третьем параграфе первой главы «Социальные функции уголовно-правового запрета» на основе мультидисциплинарного подхода представлена авторская классификация правовых запретов, в основании которой лежат различия таких элементов, составляющих правовой запрет, как властное веление, побудительный оператор, адресат. Уголовно-правовой запрет, будучи основной разновидностью правового запрета, характеризуется, как и любой правовой запрет, по двуединой модели: государственно-властное веление о недопустимости общественно опасного акта поведения человека и его побудительный оператор – негативное уголовно-правовое последствие несоблюдения соответствующего веления в виде мер уголовно-правового принуждения.

С позиции феномена социально-правовой природы уголовно-правового запрета определены его цели, задачи, функции (социальные и юридические). В

работе определено, что ближайшей социальной целью уголовно-правового запрета является обеспечение социальной дисциплины, генеральная цель уголовно-правового запрета имеет социальную окраску – это обеспечение социальной стабильности и нормального развития конструктивных, основополагающих элементов социального организма. Недопущение общественно опасного поведения человека признается непосредственной юридической целью уголовно-правового запрета. Задачи уголовно-правового запрета – это социально-юридические пути достижения целей в реальных, практических условиях реализации механизма такого государственно-властного веления, среди которых наиболее существенными являются выявление и фиксация элементов социальной реальности, составляющих ценность для данного общества; обеспечение эффективного и справедливого социального общежития и взаимодействия индивидов, общества и государства; разграничение правомерного и противоправного поведения лица и дифференциация последнего; охрана социально значимых ценностей от криминальных посягательств; гарантирование негативных правовых, моральных и фактических последствий в отношении индивидов, допустивших нарушения государственно-властных велений о недопустимости асоциального поведения.

В диссертации обосновывается необходимость определения основных направлений воздействия уголовно-правовых запретов на общественные отношения в соответствии с задачами законотворческого и правоприменительного процессов (функций уголовно-правового запрета). Под функциями уголовно-правового запрета понимаются основные направления воздействия антиделиктного веления и побудительного оператора на сознание индивидов в механизме уголовно-правового запрета в целях недопущения асоциального поведения, обеспечения социальной дисциплины и гарантирования социальной стабильности. В работе обосновано разделение функций уголовно-правового запрета на юридические (регулятивная, охранительная, предупредительная) и социальные (аксиологическая, социализации, обеспечения социальной безопасности и социального порядка, интегративная – функция социальной солидарности, воспитательная, социальной логистики и ориентации).

Доказывается, что кризис уголовного права, в первую очередь, является кризисом объективации уголовно-правовых запретов и реализации их функций, когда разрушается соответствие задач, функций и целей уголовного права. Сделан вывод, что, являясь ключевой категорией уголовного права, запреты несут основную смысловую и ценностную нагрузку в механизме его реализации.

Вторая глава «Легализация уголовно-правового запрета в системе норм уголовного права» объединяет три параграфа. В первом из них *«Основания и принципы легализации уголовно-правовых запретов»* определено, что основаниями легализации уголовно-правового запрета являются социальный интерес к правовой охране фундаментальных основ жизнедеятельности и безопасности личности, общества и государства,

стабильности социума и его онтологии (консервативное основание) и социальный интерес к развитию социальных связей, социальному прогрессу (динамическое/инновационное основание).

К этапам легализации уголовно-правового запрета отнесены криминализация, пенализация, легитимация. Анализ научных подходов показал, что криминализация в основном характеризуется как направление уголовной политики, однако с позиции правовой и социально-информационной трактовки уголовно-правового запрета и с учетом закономерностей формирования уголовно-правового запрета в настоящей диссертации под криминализацией предложено понимать законодательное определение государственно-властного веления о недопустимости конкретного поведения субъекта.

Пенализация уголовно-правового запрета определена в исследовании как процесс образования его побудительного оператора. Основным таким побудительным оператором является уголовное наказание, однако дополнительными инструментами настройки «эквалайзера» реакции на совершение запрещаемого деяния выступают иные меры уголовно-правового принуждения.

Легитимация в исследовании понимается как социально-исторический процесс, в ходе которого власть, политический режим, социальные институты и нормы, включая правовые институты и нормы, обретают признание и поддержку со стороны общества. Свойство социально-правовых феноменов, которые прошли процесс легитимации, именуется легитимностью. Доказано, что легитимация уголовно-правового запрета обеспечивает эффективное формирование правилосообразной сферы сознания индивида, отвечающей за индивидуальный уровень механизма уголовно-правового запрета, то есть за формирование личных установок социальной дисциплины. С другой стороны, легитимация уголовно-правовых запретов определяет социальное единство, является основой социального прогресса и доверия к власти. Обоснован вывод о том, что признание ядра запрета законным, а побудительного оператора справедливым влечет максимальный социальный эффект от реализации уголовно-правового запрета, такой запрет способен достигать сферы психологической активности индивида, обеспечивающей его социальную адаптацию. Напротив, уголовно-правовой запрет, лишенный легитимации, обнаруживает дефект в процессе социального управления. В рамках диссертационного исследования сделаны практические предложения по обеспечению легитимности уголовно-правовых запретов как на стадии правотворчества, так и правоприменения.

По результатам исследования оснований и этапов преобразования властной социальной информации об уголовно-правовом запрете легализацией уголовно-правового запрета признается обусловленный социальной необходимостью и поддерживаемый правосознанием (легитимация) процесс формирования и официального закрепления государственно-властного веления о недопустимости общественно опасного акта поведения индивида

(криминализация), сопряженный с наделением запрета побудительным оператором (пенализация).

Фундаментальные правила образования уголовно-правовых запретов определены как принципы легализации уголовно-правового запрета, они охватывают весь процесс криминализации, пенализации и легитимации уголовно-правовых запретов. Авторская классификация принципов легализации уголовно-правового запрета объясняется правовой социально-информационной природой данного явления и включает принципы: 1) характеризующие закономерности социального прогресса по формированию уголовно-правового запрета, обуславливающие его легитимацию (принципы образования запрета); 2) предопределяющие правила специальной деятельности уполномоченных субъектов по объективации запретов в правовой материи, обуславливающие криминализацию и пенализацию (принципы установления запрета). В свою очередь к принципам образования уголовно-правового запрета отнесены принципы социального прогресса, исключения социальных опасностей, позитивной социальной цели, социальной легитимности. Принципами установления уголовно-правового запрета являются принципы конституционности, адекватности, справедливости, законности, системности, научной обоснованности.

Сделан вывод, что верное определение оснований и принципов легализации уголовно-правового запрета способствуют формированию качественной системы уголовно-правовых норм, что положительно повлияет на установление и закрепление правопорядка в обществе.

Во втором параграфе второй главы «Запрещающая норма уголовного права» обосновывается, что запрещающая норма уголовного права является атрибутивной правовой формой запрета. Перевод уголовно-правового запрета в реальное поведение людей возможен только путем включения соответствующих запрещающих норм в уголовно-правовое регулирование общественных отношений. При этом нормативная сторона является внешним, значит наиболее воспринимаемым проявлением правового запрета.

Применяемый в исследовании информационный алгоритм позволил определить норму права как имманентный обществу способ взаимопроникновения и взаимоинтеграции социальных практик и психологических характеристик индивидов и групп в правовую материю в целях определения меры их поведения. С информационной точки зрения, норма права является средством трансляции властной социальной информации адресатам через информационную матрицу общества при помощи специальных механизмов такой трансляции.

Отмечается, что в любой правовой норме есть социальная информация о том или ином стандарте поведения, источником которой является социальная необходимость и социальный опыт. Данная информация определена как ресурс нормы права. Существует определенный механизм перевода нормы права в систему социальных транзакций, обеспечивающий ее действие через интеграцию ресурса правовой нормы и сознания (индивидуального и социального). Сочетание ресурса нормы права и механизма перевода

социальных практик в сферу права влияет на установление отраслевой принадлежности нормы права.

В соответствии с таким подходом обосновывается, что социальная позиция о недопустимости общественно опасного акта поведения индивида извлекается из социального бытия в процессе правотворчества, облекается в правовую форму и становится ресурсом запрещающей правовой нормы, а побудительный оператор уголовно-правового запрета в виде мер уголовно-правового принуждения (уголовного наказания или иных мер уголовно-правового характера) обеспечивает механизм перевода этой информации в социальные практики посредством фиксации такой информации в правилосообразной сфере сознания человека. Адресатами запрещающих уголовно-правовых норм выступают все субъекты, в отношении которых обязательны государственно-властные веления о недопустимости социально опасного поведения, включая как исполнителей права, так и правоприменителей.

В третьем параграфе второй главы «Значение содержания и структуры запрещающих норм для гарантирования уголовно-правового запрета» содержание и структура запрещающей правовой нормы определяются исходя из ее двуединства, то есть с учетом таких ее компонентов как ресурс запрещающей правовой нормы (веление о недопустимости социально опасного акта поведения индивида) и механизм перевода такого ресурса в реальную социальную практику индивидов (возможность применения мер уголовно-правового принуждения). Формирование структуры исследуемой нормы предложено именовать системогенезом запрещающей нормы уголовного права. Системогенез запрещающей правовой нормы состоит в обнаружении и преобразовании вышеуказанных компонентов в конкретные правовые предписания как структурные элементы такой нормы права. Системогенез определяет архитектуру данной нормы, то есть композиционное строение, которое устанавливает соотношение, связи и субординацию ее элементов, а также обеспечивает функциональность запрещающей правовой нормы во внешней среде.

Ресурс правовой нормы и механизм его выгрузки в реальное поведение субъекта в работе определены как аксиологическая и обеспечительная часть системы запрещающей правовой нормы. Показано, что аксиологическая часть нормы содержит социально ценностную информацию в форме веления о недопустимости социально опасного или вредного акта поведения индивида как результат извлечения практики социальных транзакций из социального опыта и определяет условия, при которых данное веление применимо. Обеспечительная часть нормы определена как социально-психологическая квинтэссенция ценности такой информации и инструмент обеспечения каналов взаимодействия системы нормы права и функциональной системы поведения индивида.

Доказано, что для функциональной характеристики аксиологической и обеспечительной частей исследуемой нормы принципиальное значение имеет правовое предписание, определяемое как несамостоятельная элементарная

частица (элемент системы) нормы права, логически завершенная, выражающая соответствующий содержательный компонент запрещающей уголовно-правовой нормы. Правовые предписания, содержащие ресурс запрещающей правовой нормы (аксиологическую часть), выполняют функцию гипотезы и диспозиции запрещающей уголовно-правовой нормы, то есть содержат информацию об условиях применения данной нормы и запрещенном акте поведения индивида. Правовые предписания, содержащие механизм перевода ресурса запрещающей уголовно-правовой нормы в правилосообразную сферу сознания индивида, выполняют функцию санкции, то есть устанавливают негативные последствия нарушения установленного веления о недопустимости конкретного акта поведения человека. Каждое правовое предписание выполняет конкретную функцию. Обоснован вывод о том, что гипотеза, диспозиция и санкция правовой нормы являются не элементами ее системы или структуры, а функциями правовых предписаний, определяющими характер связей и функции всей запрещающей нормы уголовного права.

В исследовании аргументируется также необходимость различения функции запрещающей уголовно-правовой нормы (функциональность запрещающей уголовно-правовой нормы в системе права, внешняя функция) и функции системы запрещающей уголовно-правовой нормы (функциональность запрещающей уголовно-правовой нормы в отношении поведения человека, внутренняя функция). Запрещающая уголовно-правовая норма права не просто находится во внешней среде человеческого поведения, но участвует в создании внешней среды для иных правовых норм и перманентно сама находится в такой же среде иных норм. С точки зрения концепции открытой системы, это означает, что элементы системы правовой нормы находятся в специальных связях с элементами иных правовых норм, взаимодействуют и специфичным образом создают конгломераты норм.

Анализ системы и структуры запрещающей уголовно-правовой нормы позволил прийти к выводу о том, что вне запрещающей уголовно-правовой нормы запрет невозможен. Такая норма права выступает экзистенциальной формой уголовно-правового запрета, только посредством нормы права уголовно-правовой запрет способен достигать своих целей.

В четвертом параграфе первой главы «Функциональная характеристика правового предписания в системе запрещающей нормы уголовного права» доказано, что правовое предписание несет в себе неделимую часть социальной информации (бит информации) в структуре запрещающей нормы уголовного права. Обосновано, что бит информации максимально эффективно воспринимается правилосообразной сферой сознания человека, то есть деление социальной информации, содержащейся в запрещающей уголовно-правовой норме, на правовые предписания имеет функциональное и решающее значение.

Как показал анализ доктринальных позиций о природе правового предписания, многие допускают смешение различных по природе и сущности явлений, «подчиняя» правовые предписания законодательству, то есть авторы стремятся определить правовое предписание через составные части законодательства. В диссертации обосновано, что не текст закона

устанавливает структуру и содержание нормы, а, наоборот, норма права имеет такие структуру и содержание, которые требуют особых приемов законодательной техники для текстуального выражения и закрепления компонентов нормы права. Основная роль в этом процессе принадлежит правовым предписаниям, которые как элемент запрещающей уголовно-правовой нормы, содержат предельную, неделимую и минимальную, но достаточную структурную единицу информации о ресурсе запрещающей правовой нормы и о механизме перевода данной информации в социально позитивное поведение человека.

В данном параграфе обоснован тезис о том, что информация, распределяемая в правовые предписания, выполняющие функции гипотезы, предполагает два уровня. Общие условия, инициирующие движение информации в запрещающей уголовно-правовой норме, являются универсальными обстоятельствами, равнонаправленными для всех запрещающих уголовно-правовых норм, они содержатся в Общей части уголовного закона. Специальные условия применения запрещающей уголовно-правовой нормы включаются в информационный обмен между предписаниями после установления содержания правовых предписаний, выполняющих функцию диспозиции такой нормы, то есть информации о запрещаемом акте поведения человека. При этом между данными элементами существует перманентный обмен информацией.

Доказано, что в системе исследуемые правовые предписания, содержащие адаптированные к взаимодействию с правилосообразной сферой сознания человека биты социальной информации, трансформируют государственно-властное веление о недопустимости конкретного акта поведения человека под угрозой наступления неблагоприятных последствий в выходную информацию, которая будучи облеченной в форму законодательного нормативного правового акта способна достигать целей уголовно-правового запрета – гарантирование социально позитивного поведения человека.

Третья глава «Технико-юридическая регламентация уголовно-правового запрета» объединяет параграфы, в которых раскрываются основы и специальные правила объективации уголовно-правового запрета в процессе правотворчества. *В первом параграфе третьей главы «Учет множественности официальных источников уголовно-правовых норм для уяснения уголовно-правового запрета»* доказывается необходимость соответствия смысловой и формальной структуры уголовно-правового запрета и его источниковой базы. Отмечается, что сложность данной задачи связана с тем, что кодификационный процесс в значительной степени политизирован, практика применения уголовного закона перегружена применением источников, не названных в УК РФ, и в доктрине нет общепризнанных позиций о стратегии и концепции развития уголовного закона. В доктрине даже нет единого подхода к пониманию природы и сущности источника права, а также системы источников уголовного права. Примененный в исследовании социально-информационный подход позволил определить источник права как источник социальной информации. В работе доказано, что в основе

формирования социальной информации находится социальное взаимодействие, осуществляемое через соответствующие социальные структуры и институты. Исходя из изложенного, источники уголовного права в исследовании понимаются в двух значениях: 1) социальные отношения, процессы и факторы, обуславливающие содержание уголовно-правовых норм (социальные источники уголовного права); 2) специальные инструменты закрепления и выражения уголовно-правовых положений, гарантирующие их нормативность, общеобязательность, определенность, системность и динамичность (формально-юридические источники уголовного права).

В параграфе обоснован вывод о том, что формально-юридическим источником уголовного права является письменный официальный документ, характеризующийся как нормативный правовой акт, прошедший формально-определенную процедуру «наполнения» социальной информацией о недопустимости социально опасного акта поведения человека и негативных последствиях совершения такого акта. Документ выступает материальным носителем информации, включаясь в информационную матрицу общества и создавая новые потоки информационного обмена в процессе социального взаимодействия субъектов. Системой формально-юридических источников уголовного права предлагается рассматривать построенную на определенных принципах внутренне структурированную совокупность нормативных правовых актов, применяемых государством для регламентации уголовно-правовых норм и создания уголовно-правовых отношений. Обосновано, что в систему источников уголовного права входят: Конституция РФ, УК РФ, специальные уголовные и иные законы, иные нормативные правовые акты Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, нетипичные источники уголовного права. К последним отнесены постановления Государственной Думы Федерального Собрания РФ, посвященных амнистии, а также акты судебной практики, выражающие судебные позиции.

Выдвигается идея, что механизм закрепления запрета в источниках уголовного права различается исходя из социально-правовой природы такого источника. Так, УК РФ как кодифицированный нормативный правовой акт предполагает особую структуру, поэтому процесс объективации правовых предписаний, выполняющих ту или иную функцию запрещающей правовой нормы, также подчинен особым требованиям, обусловленным правовой природой кодекса как особенного нормативного акта. Эти требования формируют эффект кодификации: требования, предъявляемые к правовой материи, легализуемой в кодифицированном акте (материально-структурные), и требования, предъявляемые к процедуре легализации (техничко-юридические). Механизм закрепления уголовно-правового запрета в кодифицированном уголовном законе предполагает распределение властной социальной информации о недопустимости общественно опасного акта поведения человека под угрозой применения мер уголовно-правового воздействия в правовые предписания, выполняющие функции гипотезы, диспозиции, санкции запрещающей уголовно-правовой нормы, и фиксацию таких предписаний

согласно технико-юридическим правилам и требованиям пандектного построения кодифицированного уголовного закона.

Обосновано, что акты судебной практики являются специфическим источником уголовного права России. При этом в значении источника уголовного права могут рассматриваться не все из них, а те, которые выражают судебную позицию, определенную в работе как императивное правило, сформированное Верховным Судом РФ или Конституционным Судом РФ, соответствующее правовым принципам, обеспеченное системой правовых аргументов, о применении выраженных в них новых уголовно-правовых положений. Устоявшейся формой выражения судебной позиции являются постановления Пленума Верховного Суда РФ, где во многих случаях создаются новые уголовно-правовые положения, по сути, изменяющие правоприменительный процесс без изменения буквы закона. При таких обстоятельствах новое и нетипичное (без законодательного закрепления) предписание участвует в процессе регулирования общественных отношений, то есть выполняет функцию элемента уголовно-правовой нормы, а постановление Пленума Верховного Суда РФ, содержащее такое предписание, обладает нормативной новизной. Обоснован вывод о том, что механизм закрепления уголовно-правового запрета в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ предполагает не законодательный, но фактически сложившийся способ объективации общеобязательной властной социальной информации о недопустимости социально опасного акта поведения человека и негативных уголовно-правовых последствиях совершения такого акта.

Показано, что к числу источников уголовного права, в которых закрепляются элементы уголовно-правового запрета, относятся акты Конституционного Суда РФ. Обосновано, что признание в них структурной единицы УК РФ неконституционной означает, что судебное толкование уголовного закона в значении выявления смысла уголовно-правовых предписаний и норм, выраженного законодателем, не состоялось. Наоборот, воля законодателя скорректирована путем правовой позиции Конституционного Суда РФ. Иными словами, механизм закрепления уголовно-правового запрета в актах Конституционного Суда РФ предполагает изменение содержания ресурса правовой нормы или побудительного оператора в условиях действующего уголовного закона путем замены правового предписания, признанного неконституционным, на предписание акта конституционно-судебного правотворчества.

Во втором параграфе третьей главы «Технико-юридические правила регламентации уголовно-правового запрета в статьях Уголовного кодекса России» аргументируется необходимость преодоления конфликта коммуникаций между законодателем и реципиентом властной социальной информации (адресатом уголовно-правовых норм). Востребован комплекс средств, приемов и инструментов, который позволил бы сформулировать смысл и содержание запрещающей уголовно-правовой нормы, зафиксировать адекватное текстуальное отображение в формально-юридическом источнике уголовного права, передать данную информацию адресату нормы, обеспечив ее

беспробельность и ясность, а также применимость в процессе социального взаимодействия. Система таких средств, приемов и инструментов определена в работе как юридическая техника. Обосновано, что необходимо разделять два явления, составляющие юридическую технику: процедуру объективации правовой нормы и технико-юридическую регламентацию. Процедура объективации правовой нормы – это подчиненная организационным нормам деятельность субъектов правотворческого процесса по закреплению социальной информации в источниках права, обеспечивающая коммуникацию правотворца и адресата правовых норм. Целью объективации является правильная передача смысла и содержания нормы. Техничко-юридическая регламентация – совокупность принципов и правил, определяющих требования к содержанию, языку, оформлению нормативных правовых актов, а также юридические технологии объективации социальной информации в нормативном правовом акте. Целью технико-юридической регламентации является обеспечение полноты, единообразия и формальной определенности правовых норм и образующих их правовых предписаний.

Техничко-юридические требования к регламентации уголовно-правового запрета в статьях Уголовного кодекса РФ охватывают правила и стандарты языка, применяемого при изложении текста, ретранслирующего смысл уголовного правосозидателя, а также правила структурирования уголовного закона и юридические технологии распределения информации о недопустимости социально опасного акта поведения человека и негативных уголовно-правовых последствиях его совершения по структурным элементам уголовного закона.

В целях практической аргументации соответствующих теоретических положений в работе разработаны информационные модели статей 117, 158 УК РФ, а также информационная модель Особенной части УК РФ (с фокусом на ст. 117 УК РФ).

В исследовании приводятся аргументы необходимого принятия систематизированного свода правил технико-юридической регламентации правового материала, в том числе уголовно-правового запрета (Федеральный закон «О нормативных правовых актах в Российской Федерации»).

Доказано, что сфера эффективного принятия информации ограничена ожиданием реципиента и характеризуется низким уровнем энтропии, поэтому эффективный уголовно-правовой запрет должен удовлетворять потребность реципиента в понижении уровня энтропии и излагаться кодом, который адекватно отражает смысл правовой нормы и направлен на качественное социальное управление.

В третьем параграфе третьей главы «Судебная практика как детерминанта определенности уголовно-правового запрета» обосновывается, что применительно к уголовно-правовым запретам судебная практика является информационной средой, то есть совокупностью информационных ресурсов и технологий понимания и применения, обработки, хранения, распространения и потребления властной информации о недопустимости социально опасного акта поведения человека и уголовно-правовых последствиях его совершения.

Доказано, что основная функция судебной практики как детерминанты определенности уголовно-правового запрета состоит в обеспечении его доступности и снижении энтропийности правовой нормы. Создание определенности уголовно-правового запрета в системе судопроизводства завершает установление стандарта позитивного и негативного поведения человека.

Обосновано, что судебные органы участвуют в создании властной социальной информации, составляющей уголовно-правовой запрет, в следующих формах:

1) интерпретационная деятельность суда, предполагающая осмысление уголовно-правового запрета судом в контексте социальной реальности, а также учет целей законодателя и принципов права при выявлении и принятии наиболее правильного и справедливого судебного решения (в исследовании обосновано отличие судебной интерпретации и толкования);

2) обеспечение единообразия судебной практики применения уголовно-правового запрета;

3) судебное правотворчество, определенное в исследовании как процесс и результат создания судом в судебных позициях новых правовых предписаний с функциями тех или иных элементов правовых норм, в целях преодоления регулятивной слабости уголовного закона. В диссертации представлена информационная модель судебной интерпретации, толкования и судебного правотворчества.

Подчеркнута необходимость систематизации судебной практики как информационной среды, с объединением составляющих ее информационных элементов (судебных актов) и сведением их в однородные группы по определенным признакам и критериям к иерархизированному единству на основе существующих между элементами информационных связей.

В данном параграфе сделан вывод, что технико-юридическая регламентация уголовно-правового запрета предполагает формирование и развитие его особой информационной среды, с качественными информационными связями источников уголовного права и судебной практики. Нарушение таких информационных связей, дисбаланс элементов информационной среды реализации уголовно-правовых запретов означают угрозу не только разрушения права как социального регулятора, но и аномии всего российского общества.

Четвертая глава «Уголовно-правовые последствия несоблюдения уголовно-правовых запретов» включает в себя три параграфа, в которых исследованы последствия несоблюдения уголовно-правовых запретов в виде квалификации преступлений, уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера. Сформированы положения о противодействии всем формам несоблюдения уголовно-правовых запретов, а не только намеренному их нарушению, то есть и о преодолении квалификационных ошибок и злоупотреблений, а также дефектов официальных источников уголовного права.

В первом параграфе «Квалификация преступлений, квалификационные ошибки и злоупотребления» акцентируется, что необходимым условием реализации уголовно-правового запрета в соответствии с принципами законности и справедливости является правильная квалификация преступлений. Представления о том, что такое правильная квалификация преступлений, не должны различаться в профессиональной среде и у остальной части общества, по крайней мере, на уровне принципов.

Признается, что отсутствие законодательного определения квалификации преступления способствует неоднозначному пониманию данного явления в доктрине, порождая противоположные подходы. Обоснована авторская позиция о том, что квалификацию преступлений необходимо рассматривать, объединяя три ее составляющих: правовую (основанную на правовых принципах), социальную (с учетом свойства общественной опасности акта поведения человека) и информационную.

Квалификация преступлений понимается одновременно как элемент и социальной системы, и информационной сферы уголовно-правового регулирования. В исследовании показан механизм социально-информационного взаимодействия при квалификации преступлений. Отмечается, что квалификация преступления с точки зрения социально-информационного подхода является инструментом преодоления энтропии запрещающей уголовно-правовой нормы путем отождествления взаимной информации: властной социальной информации о недопустимости общественно опасного акта поведения человека и информации о совершенном общественно опасном поведенческом акте. Определено, что с позиции информационного подхода при отождествлении взаимной информации в процессе квалификации преступления следует выделять три элемента: исходный образец (правовой информационный сегмент), массив данных о поведенческом акте человека (фактический информационный сегмент), аппарат отождествления. С точки зрения отождествления взаимной информации процесс квалификации преступления представлен как состоящий из четырех этапов:

- 1) формирование фактического интегрированного информационного сегмента;
- 2) формирование правового интегрированного информационного сегмента;
- 3) отождествление элементов информационных сегментов;
- 4) отождествление информационных сегментов в целом.

Выявлена внутренняя функциональная структура квалификации преступлений, состоящая в отождествлении значений отдельных информационных фрагментов и в отождествлении сегментов в целом. Указанная функциональность проиллюстрирована на материалах судебной практики.

Примененный информационный подход к квалификации преступлений позволил определить бланкетность выражения норм как свойство формировать горизонтальные и вертикальные информационные связи, образуя целостную

регулятивную единицу, предписания которой наделены функциями гипотезы, диспозиции и санкции. Таким образом, предписания иноотраслевых источников, содержащие властную социальную информацию неуголовно-правового характера, также формируют правовой информационный сегмент при квалификации преступлений. Доказывается, что исходя из вертикальных информационных связей запрещающих норм уголовного права с принципами уголовного права, правильная квалификация преступлений предполагает необходимость установления осознания человеком не только несоблюдения уголовно-правового запрета, но и иных специальных правил, участвующих в обосновании уголовной ответственности лица. Этот вывод может рассматриваться как аргумент для обновления определения вины в форме умысла.

Определено, что правильная квалификация преступления свободна от информационных ошибок и искажений. Под информационными ошибками в диссертации понимаются непреднамеренные неточности или погрешности субъекта квалификации при формировании правового и фактического информационных сегментов и их отождествлении. Информационными искажениями в процессе квалификации преступления признается преднамеренное изменение информации правового и фактического свойства, которое приводит к ее недостоверному представлению. Информационные искажения в процессе квалификации преступлений являются квалификационными злоупотреблениями, в том числе преступлениями.

Правильная квалификация преступлений влечет правильное решение сущностного вопроса – было ли совершено преступление и виновен ли в этом осужденный. Сделан вывод, что правильная квалификация преступлений способствует легитимации эффективной реализации уголовно-правовых запретов, является маркером принципиальной и объективной позиции государства в уголовной политике, положительно влияет на формирование высокой правовой культуры населения как необходимого атрибута правового государства.

Во втором параграфе четвертой главы «Уголовное наказание и иные меры уголовно-правового принуждения за несоблюдение уголовно-правового запрета» показано, что эффективность уголовно-правового запрета в сфере социального управления немыслима без побудительного оператора – элемента, обеспечивающего механизм реализации запрета. Основным побудительным оператором выступает уголовное наказание, а дополнительными инструментами настройки реакции на совершение запрещаемого деяния являются иные принудительные меры уголовно-правового характера.

В соответствии с задачами параграфа раскрываются модели мер государственного принуждения, реализуемые в современных государствах (абсолютная, исправительная, превентивная, восстановительная, смешанная). На основе социально-информационного подхода обосновано исследование уголовного наказания и иных мер уголовно-правового принуждения в двух аспектах: информационном (как передачи информации о негативных уголовно-правовых последствиях нарушения уголовно-правового запрета с воздействием

на сознание человека) и социально-правовом (как мер государственного правоограничительного воздействия на поведение человека, совершившего общественно опасный поступок). Это позволило раскрыть механизм участия негативных уголовно-правовых последствий нарушения государственно-властного веления о недопустимости социально опасного акта поведения человека в механизме социального управления.

Определено, что, являясь информацией о негативных уголовно-правовых последствиях нарушения уголовно-правового запрета на индивидуальном уровне, побудительный оператор адресован правилосообразной сфере сознания человека, которая определяет социально позитивный паттерн поведения лица. На этом уровне информация о возможности наступления неблагоприятных для осужденного уголовно-правовых последствий нарушения запрета выступает цементирующим общественные связи инструментом социального управления, обеспечивая самосохранение личности, общества и государства. Доказано, что показателем эффективности уголовного наказания и иных мер уголовно-правового принуждения как информации является ее полезность для источника информации и ее реципиента.

Отмечается, что мера уголовно-правового характера онтологически связана с уголовным наказанием и исторически производна от него, однако как содержание побудительного оператора уголовно-правового запрета имеет самостоятельное социально-правовое значение и цель. Соотношение уголовного наказания и иных мер варьируется в зависимости от доминирующей модели уголовного наказания.

Выдвинута и рассмотрена идея, что иная мера уголовно-правового характера составляет специальное содержание побудительного оператора уголовно-правового запрета (социальная властная информация и правоограничительная мера). Такая мера снижает объем негативных последствий для лица, допустившего нарушение государственно-властного веления о недопустимости социально опасного акта поведения (условное осуждение, судебный штраф), увеличивает объем негативных последствий для лица, допустившего нарушение государственно-властного веления о недопустимости социально опасного акта поведения (конфискация имущества, судимость) и устанавливает самостоятельное правоограничение (принудительная мера воспитательного воздействия; принудительная мера медицинского характера).

Определено, что иными мерами уголовно-правового характера являются отличные от уголовного наказания средства государственного правоограничительного воздействия на человека, совершившего социально опасный акт, легализованные и транслируемые УК РФ, обусловленные спецификой социально-правового устройства общества, сочетающие цели восстановления социальной справедливости, исправления, предупреждения повторных нарушений уголовно-правовых запретов, а также преследующие специальную цель восстановления социально полезных свойств и качеств личности.

В работе все меры уголовно-правового принуждения (и уголовное наказание, и иные меры уголовно-правового характера) отнесены к санкции запрещающей нормы уголовного права.

В третьем параграфе четвертой главы «Дефекты официальных источников уголовного права как проблема соблюдения уголовно-правовых запретов» аргументировано, что дефект источника уголовного права – это изъяны, допущенные при трансформации уголовно-правового запрета в правовые предписания соответствующего источника уголовного права, препятствующие эффективному социальному управлению. Доказано, что дефекты источников уголовного права являются в основном результатами изъянов процесса легализации уголовно-правового запрета.

Дефекты источников уголовного права разделены на два вида:

1) дефекты источников уголовного права, состоящие в неправильном определении властной социальной информации, подлежащей легализации. К таким дефектам относятся: неправильный выбор цели и задач, несоответствие Конституции РФ и общепризнанным принципам и нормам международного права, неадекватное понимание и отображение социальных интересов, подлежащих уголовно-правовой охране; неправильное представление о социальных последствиях действия правовой нормы или правового акта; несвоевременность правовой нормы или правового акта, изменений (дополнений) правового акта;

2) дефекты распределения соответствующей информации между предписаниями, составляющими запрещающую уголовно-правовую норму, объективированными в тексте соответствующего источника уголовного права. Последние дефекты предложено именовать юридическими дефектами источников уголовного права. К таким дефектам отнесены коллизия правовых норм, неудавшаяся конкуренция правовых норм, пробелы.

Коллизия в диссертации определена как нарушение трансформации властной социальной информации при формировании нормы уголовного права, состоящее в столкновении (противоречии) информационных данных одной нормы с властной социальной информацией, содержащейся в другой норме. Неудавшаяся конкуренция правовых норм признается дефектом источника уголовного права, состоящим в ошибке кодировки властной социальной информации и ее распределения по правовым предписаниям нормы уголовного права, при котором создается необходимость достижения преимущества той или иной нормы уголовного права. Обосновано, что пробел как дефект источника уголовного права состоит в отсутствии необходимой властной социальной информации, в легализованных предписаниях, нормах, институте уголовного права, что меняет трансляцию правового смысла законодателя, когда не обеспечивается полнота уголовно-правового регулирования в соответствии с объективными социальными потребностями.

Представлен также анализ дефектов актов толкования.

В рамках третьего параграфа четвертой главы доказано, что дефекты свойственны не видам нормативных правовых актов, а определенным официальным источникам уголовного права. Они являются результатами

некорректной деятельности компетентных государственных органов по кодировке властной социальной информации о недопустимости социально опасного акта поведения человека и негативных уголовно-правовых последствиях несоблюдения такого властного веления. Подобные дефекты снижают качество действующего законодательства, разрушая конструкцию уголовно-правовой охраны и фундамент эффективного социального управления.

Пятая глава «Прогнозирование реализации уголовно-правовых запретов» включает в себя три параграфа. В первом параграфе, озаглавленном «Проблема учета в правотворчестве результатов социологических исследований влияния уголовно-правовых запретов на поведение людей», аргументируется необходимость применения социологических исследований в процессе легализации уголовно-правовых запретов. Обосновано, что уголовное правотворчество без учета социологических измерений лишается свойства легитимности и ведет к чрезвычайно опасной для общества практике негласного, теневого правообразования, выражающего интересы узкого круга лиц и разрушающего основы социальной справедливости. В диссертационном исследовании показано, что учет в уголовном правотворчестве результатов социологических исследований влияния уголовно-правовых запретов возможен в следующих направлениях: идентификация и анализ социальных проблем; оценка социальной эффективности существующего уголовного законодательства; формирование эмпирической основы при разработке и экспертизе уголовно-правовых законопроектов.

Аргументирована специфика применения методов социологических исследований для выявления влияния уголовно-правовых запретов на поведение людей и возможности учета в правотворчестве результатов таких исследований. Моделирование как метод социологического исследования требует междисциплинарного подхода с использованием вместе методов социологии, криминологии, психологии, экономики и уголовно-правовых наук. Доказывается, что применительно к исследуемому явлению наиболее подходящей является модель рационального выбора. В работе рассмотрены основные компоненты и формула модели рационального выбора при определении влияния на поведение индивидов уголовно-правового запрета на убийство.

Обоснована специфика социологического опроса в процессе легализации уголовно-правового запрета. Отмечается, что учет результатов социологических опросов в уголовном правотворчестве – важный инструмент для улучшения качества легализуемой социальной информации и ее легитимности, однако необходимо осознавать ограничения этого метода и использовать его в сочетании с другими методами погружения в социальную реальность, такими как экспертные оценки и анализ правоприменительной практики. Показано, что важно обеспечить методологическую и процедурную чистоту социологических опросов, прозрачность и объективность использования результатов такого исследования в уголовном правотворчестве.

Также в диссертации аргументирована необходимость применения в процессе уголовного правотворчества таких методов социологического исследования как фокус-группа, анализ документов, статистический анализ данных, социологический эксперимент, наблюдение.

Анализ существующих социологических методов показал, что погружение в социальную реальность требует применение комплекса таких методов; невозможно получить объективную и достоверную социальную информацию, подлежащую легализации, только на основании одного метода и в короткий срок. Таким образом, задачей законодателя является выбор верной тактики погружения в социальную реальность и создание солидного социологического исследовательского арсенала. Обоснована необходимость профессиональной социологической школы и постоянного мониторинга социальных срезов по разным направлениям социальной реальности для целей эффективной легализации уголовно-правовых запретов. Доказана необходимость качественного взаимодействия законодателей со специализированными государственными и негосударственными социологическими организациями (например, Институт социологии ФНИСЦ РАН) и создания в Государственной Думе РФ специального подразделения, которое на профессиональной основе будет заниматься социологическим мониторингом в целях сопровождения законодательного процесса. При таких условиях деятельность законодателей будет обеспечена необходимым первичным материалом, а легализуемая социальная информация будет проверяться на пригодность и эффективность.

Во втором параграфе пятой главы «Прогнозирование противодействия уголовно-правовым запретам как условие повышения качества уголовного закона» обосновывается, что качественный уголовно-правовой запрет должен быть направлен не только на действие в настоящем, но и быть уместным и адекватным в будущей структуре социально-правовой реальности. Доказана необходимость учета не только позитивного влияния уголовно-правовых запретов на поведение людей, но и неуспешного, когда проявляются типичные варианты саботажа и иного противодействия уголовно-правовым запретам. Соответственно, показана самостоятельность такого направления прогнозирования реализации уголовно-правовых запретов как прогнозирования противодействия уголовно-правовым запретам. С учетом механизма уголовно-правового запрета, предполагающего воздействие властной социальной информации на правилосообразную сферу сознания человека, обоснован когнитивный подход к созданию конструкции будущего.

Под социальным прогнозированием здесь понимается научно обоснованное определение и оценка возможных состояний социальных объектов, процессов и явлений в будущем, а также вариантов и сроков их осуществления. Оно представляет собой комплекс вероятностных суждений о будущем развитии социальных объектов, основанных на анализе исторических тенденций, текущей ситуации и экспертных оценках. Разновидностью социального прогнозирования является юридическое прогнозирование, которое включает уголовно-правовое и криминологическое прогнозирование.

Прогнозирование противодействия уголовно-правовым запретам определено как уголовно-правовое прогнозирование реализации уголовно-правовых запретов, которое представляет собой научно обоснованное предвидение возможным форм, способов и интенсивности действий, направленных на обход, нарушение или нейтрализацию уголовно-правовых запретов, а также оценка их потенциальной эффективности и разработка рекомендаций по предупреждению и пресечению такого противодействия. Выявлено прямое (нарушение уголовно-правового запрета) и косвенное (способствование противодействию уголовно-правовым запретам) противодействие уголовно-правовым запретам. К субъектам прямого противодействия уголовно-правовым запретам отнесены лица, действия которых направлены на прямое нарушение уголовно-правовых запретов. Субъектами косвенного противодействия могут быть законодатели (их противодействие может выражаться в лоббировании интересов, создании правотворческих дефектов, в том числе запоздалое уголовно-правовое регулирование) и лица, осуществляющие правоприменение и допускающие квалификационные злоупотребления (сотрудники правоохранительных органов, следователи, прокуроры, судьи).

На основе синтеза социально-информационного и когнитивного подходов составлена концептуальная формула прогнозирования противодействия уголовно-правовым запретам.

Обоснован вывод, что с учетом уникальности каждого информационного кода властной социальной информации, составляющего запрет, прогнозирование противодействия всем сразу уголовно-правовым запретам невозможно, оно требует предметного подхода исследователя к содержанию конкретной легализуемой информации и специфике социальной реальности в конкретное время и в конкретных социальных, исторических, политических, идеологических, психологических условиях. Представлена программа прямого противодействия уголовно-правовому запрету, на примере запрета статьи 151.1 УК РФ на продажу несовершеннолетним табачной и иной аналогичной продукции, а также сценарии противодействия данному уголовно-правовому запрету.

Когнитивный подход позволил проанализировать возможность криминального применения искусственного интеллекта в целях противодействия уголовно-правовым запретам. При помощи эксперимента с нейросетью показано, что использование даже неспециализированных, слабых версий искусственного интеллекта (Narrow AI) позволяет разрабатывать варианты противодействия уголовно-правовому запрету. Доказано, что противодействие, основанное на искусственном интеллекте, не поддается прогнозированию, поскольку нейросеть находится в состоянии перманентного изменения и позволяет вырабатывать варианты поведения с учетом динамично изменяющейся социальной реальности. Аргументировано, что противодействие применению искусственного интеллекта для целей совершения преступлений возможно путем применения аналогичных технологий в процессе предупреждения, раскрытия и расследования преступлений.

В параграфе сделаны практические рекомендации об обязательности прогнозирования социально-правовых последствий правотворческой деятельности и внесении дополнения в Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 1998 г. № 2134-П ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания РФ». Предлагается п. «а» ч. 2 ст. 105 Регламента изложить в следующей редакции: «а) пояснительная записка к законопроекту, содержащая предмет законодательного регулирования и изложение концепции предлагаемого законопроекта, мотивированное обоснование необходимости принятия и одобрения законопроекта, а также научно-обоснованный прогноз социально-правовых последствий реализации законопроекта».

В третьем параграфе пятой главы «Перспективы использования запрещающих норм уголовного права и правил квалификации преступлений в целях социального управления» показан дуализм уголовного права, требующий баланса между цементирующим основанием для стабильности российского общества и государства и созданием гарантий для социального и индивидуального прогресса. Обосновывается необходимость на основе концепции адаптивного регулирования разработать программный документ с определением перспектив использования запрещающих норм уголовного права и правил квалификации преступлений в социальном управлении. Поясняется, что концепция адаптивного уголовно-правового регулирования строится на идее гибкого и динамичного реагирования на меняющиеся социальные условия и криминальную обстановку. Неколлизсионное совмещение опережающего (прогнозного) и ответного (ситуативного) регулирования выступает ключевым содержанием этой концепции, обеспечивая ее эффективность и адекватность. Адаптивное регулирование в уголовно-правовой сфере позволит минимизировать негативные последствия применения уголовного права для личности, а также обеспечить баланс между интересами личности, общества и государства. Также установлено, что этот подход обуславливает применение современных технологий, таких как искусственный интеллект, большие данные, блокчейн, которые открывают новые возможности для правоохранительной деятельности.

Определены стратегии развития запрещающих норм уголовного права и правил квалификации преступлений во взаимосвязи. Под стратегиями развития запрещающих норм уголовного права и правил квалификации преступлений понимаются комплексные, научно обоснованные подходы формирования образа будущего данных правовых феноменов во взаимосвязи, направленные на совершенствование уголовного законодательства и практики его применения с целью повышения эффективности борьбы с преступностью и обеспечения справедливости в обществе. Выделено и раскрыто содержание следующих стратегий развития запрещающих норм уголовного права и правил квалификации преступлений: динамическая легализация и динамическая делегализация уголовно-правовых запретов и правил квалификации преступлений; справедливость и гуманизация уголовной ответственности; международное сотрудничество вместо глобализации.

Установлены новые формы преступности, требующие на современном этапе проактивной криминализации и пенализации. К числу таких форм относятся киберпреступления, которые определены в исследовании как общественно опасные деяния, совершаемые в отношении или с использованием информационно-коммуникационных технологий (включая сеть «Интернет», компьютерные системы и устройства, программное обеспечение, виртуальное пространство, данные) в качестве объекта, предмета или инструмента, среды или посягательства, причиняющие или создающие угрозу причинения вреда личности, обществу или государству. Также выделяются преступления, совершаемые с применением искусственного интеллекта и автономных систем, а также преступления в сфере биотехнологий и генетики, которые определены как общественно опасные, виновно совершенные деяния (действия или бездействия), посягающие на установленный законом порядок применения биотехнологий и генетических технологий, связанные с незаконным использованием генетической информации, биологических материалов и генетически модифицированных организмов, причиняющие или создающие угрозу причинения вреда жизни и здоровью человека, окружающей среде, общественной нравственности и безопасности.

В качестве отдельного направления развития уголовно-правовой материи обосновано исключение уголовно-правовых рудиментов, к которым отнесены утратившие свою первоначальную социальную значимость и практическую актуальность уголовно-правовые предписания, нормы или институты, формально сохраняющиеся в системе уголовного права, но фактически не применяемые из-за изменившихся социально-экономических условий, развития общественных отношений, научно-технического прогресса или появления более эффективных механизмов правового регулирования.

Сделан вывод, что будущее в использовании запрещающих норм уголовного права и правил квалификации преступлений в целях социального управления связано в основном с активным внедрением технологий, индивидуализацией ответственности и превентивным криминологическим подходом. Эти стратегии открывают новые возможности для справедливого и результативного уголовно-правового регулирования, но в то же время требуют решения сложных этических, социальных и правовых проблем. Обосновано, что потребность в уголовном праве будет возрастать, что сформирует новые требования к правообразованию и субъектам этой деятельности.

В **заключении** обобщаются результаты диссертационного исследования, обозначается их значимость для развития правовой науки, совершенствования правотворческой и правоприменительной деятельности.

В **приложениях** представлены анкеты и графики с результатами социологических опросов.

Основное содержание диссертации отражено в публикациях:

публикации в журналах из Перечня рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

1. Идрисов, Н.Т. К вопросу о понятии и сущности правил квалификации преступлений / Н.Т. Идрисов // Российская юстиция. 2008. № 5. С. 19-22. (0,3 п.л.). (K1);
2. Идрисов, Н.Т. О соотношении понятий принудительного и рабского труда и некоторых проблемах квалификации использования рабского труда / И.Т. Идрисов, Н.Т. Идрисов // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 5 (30). С. 585-589. (0,4 п.л./0,25 п.л.). (K1);
3. Идрисов, Н.Т. К вопросу о профилактике распространения наркотических средств, включая спайсы / Н.Т. Идрисов // Закон и право. 2016. № 6. С.22-26. (0,3 п.л.). (K3);
4. Идрисов, Н.Т. О концепции множественности уголовных законов для целей правового регулирования квалификации преступлений / Н.Т. Идрисов // Государственная служба и кадры. 2016. №3. С. 51-54. (0,4 п.л.). (K3);
5. Идрисов, Н.Т. Справедливость (истинность) как обязательный критерий правильной квалификации / Н.Т. Идрисов // Закон и право. 2016. № 9. С. 71-74. (0,35 п.л.). (K3);
6. Идрисов, Н.Т. О признаках нормативно-правового предписания в теории уголовного права / Н.Т. Идрисов // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т.3, № 2. С. 64-69. (0,7 п.л.). (K2);
7. Идрисов, Н.Т. Об уголовном нормативно-правовом предписании в системе законодательства и правоприменения / Н.Т. Идрисов // Право и политика. 2017. №10. С. 60-71. (0,8 п.л.). (K2);
8. Идрисов Н.Т. О противодействии рецидивной преступности (на основе практики Следственного комитета Российской Федерации) / Н.Т. Идрисов // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4, №2. С. 61-64. (0,3 п.л.). (K2);
9. Идрисов, Н.Т. Уголовно-правовые запреты на преступления, совершаемые в сфере профессиональной медицинской деятельности / Н.Т. Идрисов // Юридическая наука. 2020. №9. С. 79-83. (0,3 п.л.). (K2);
10. Идрисов, Н.Т. Легализация уголовно-правовых запретов как вектор современной уголовно-правовой политики/ Н.Т. Идрисов // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т.7, №4. С. 34-38. (0,32 п.л.). (K2);
11. Идрисов, Н.Т. Механизм уголовно-правового запрета / Н.Т. Идрисов // Юридическая наука. 2021. №9. С. 79-83. (0,31 п.л.). (K2);
12. Идрисов, Н.Т. К вопросу о социальных функциях правового запрета / Н.Т. Идрисов // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14, №5. С. 268-271. (0,4 п.л.). (K3);

13. Идрисов, Н.Т. Генезис уголовно-правового запрета как средства социального управления / Н.Т. Идрисов // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14, №2. С. 129-132. (0,4 п.л.). (K3);
14. Идрисов, Н.Т. Уровни механизма уголовно-правового запрета / Н.Т. Идрисов // Ius Publicum et Privatum. 2022. №4. (19). С. 74-81. (0,6 п.л.). (K3);
15. Идрисов, Н.Т. Аномия современного российского общества и состояние уголовного права (на примере уголовно-правовых запретов на публичное распространение заведомо ложной информации) / Н.Т. Идрисов // Юридическая наука. 2022. №6. С. 101-105. (0,3 п.л.). (K2);
16. Идрисов, Н.Т. Объем уголовно-правовой репрессии, применяемой при нарушении уголовно-правовых запретов, в сфере противодействия коррупционным преступлениям / Н.Т. Идрисов // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15, №7. С. 210-215. (0,6 п.л.). (K3);
17. Идрисов, Н.Т. Индикаторы эффективности уголовно-правовых запретов / Н.Т. Идрисов // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15, №5. С. 386-390. (0,4 п.л.). (K3);
18. Идрисов, Н.Т. Регламентация и реализация современных уголовно-правовых запретов при осуществлении профессиональной медицинской деятельности / Н.Т. Идрисов // Вестник Российской правовой академии. 2022. №1. С.89-97. (0,6 п.л.). (K2);
19. Идрисов, Н.Т. Уровни механизма уголовно-правового запрета. Часть 2 / Н.Т. Идрисов // Ius Publicum et Privatum. 2023. №1 (21). С. 147-153. (0,5 п.л.). (K3);
20. Идрисов, Н.Т. Уголовно-правовой запрет как средство противодействия уголовно-правовым конфликтам / Н.Т. Идрисов // Социально-политические науки. 2024. Т. 14, №6. С. 182-187. (0,4 п.л.). (K2);
21. Идрисов, Н.Т. Легитимация и легитимность уголовно-правовых запретов: истоки и современный запрос / Н.Т. Идрисов // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. №4. С. 51–60. (0,63 п.л.). (K2);
22. Идрисов, Н.Т. Социологические средства обеспечения эффективной легализации уголовно-правовых запретов / Н.Т. Идрисов // Вестник Московского университета МВД России. 2024. №6. С. 55-62. (0,6 п.л.). (K1);
23. Идрисов, Н.Т. Квалификация преступлений как процесс установления тождества взаимной информации / Н.Т. Идрисов // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. №4. С. 72-80. (0,75 п.л.). (K2);
24. Идрисов, Н.Т. К вопросу о концептуальной формуле прогнозирования уровня противодействия уголовно-правовым запретам / Н.Т. Идрисов // Вестник Московского университета МВД России. 2025. №1. С. 63-68. (0,7 п.л.). (K1);
25. Идрисов, Н.Т. Запрещающие нормы уголовного права как средство противодействия киберпреступлениям и преступному применению искусственного интеллекта: современное состояние и прогноз / Н.Т. Идрисов //

Юридический вестник Самарского университета. 2025. Т. 11, №1. С. 33-40. (0,8 п.л.) (K2);

26. Идрисов, Н.Т. К вопросу о прогнозировании социально-правовых последствий новеллизации уголовно-правовых запретов (на примере примечания к ст. 238 УК РФ) / Н.Т. Идрисов // Уголовное судопроизводство. 2025. №1. С. 24.-28. (0,69 п.л.). (K1);

монографии и учебные пособия

27. Идрисов, Н.Т. Правила квалификации преступлений: понятие, виды, проблемы правового регулирования: монография / Н.Т. Идрисов. Самара: Издательство «АСГАРД», 2015. – 208 с. (13 п. л.);

28. Памятники российского права: учебно-научное пособие. В 35 томах. Том XXVIII. Уголовные кодексы РСФСР. Глава VIII / Т.К. Агузаров, О.А. Адоевская, Д.В. Васяев, Ю.В. Грачева, С.В. Жильцов, Н.Т. Идрисов, Т.В. Кленова, С.В. Маликов, Ю.С. Норвартян, Д.В. Решетникова, А.И. Чучаев, Р.Л. Хачатуров, Т.Ф. Юдина / под ред. Р.Л. Хачатурова, Т.В. Кленовой. М.: Юрлитинформ, 2016. – 568 с. (33,5/0,9 п. л.);

29. Идрисов, Н.Т. Теория и практика квалификации преступлений: учебное пособие / Н.Т. Идрисов. Самара: Издательство «АСГАРД», 2016. – 162 с. (10,12 п. л.);

30. Идрисов, Н.Т. Уголовно-правовой запрет: теоретические основы и особенности реализации в профессиональной медицинской деятельности: монография / Н.Т. Идрисов. СПб.: Алетейя, 2025. – 220 с. (13,75 п. л.);

другие научные публикации

31. Идрисов, Н.Т. Правила квалификации преступлений в системе уголовного права / Н.Т. Идрисов // Системность в уголовном праве. Материалы II Российского Конгресса уголовного права. М.: Проспект, 2007. С. 155-157. (0,2 п.л.);

32. Идрисов, Н.Т. О роли постановлений Пленума Верховного Суда РФ в процессе квалификации преступлений / Н.Т. Идрисов // Юридический аналитический журнал. 2010. № 1-2 (27-28). С. 91-96. (0,38 п.л.);

33. Идрисов, Н.Т. О значении термина «квалификация преступлений» в отечественном уголовном законодательстве / Н.Т. Идрисов // Преступление и наказание: теоретическое моделирование, законодательное закрепление, правоприменительная практика. Материалы Международной научно-практической конференции. 2010. Том 1. С. 125-127. (0,2 п.л.);

34. Идрисов, Н.Т. О судебском усмотрении и оценочных признаках в процессе квалификации преступлений / Н.Т. Идрисов // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию Уголовного уложения 1813 года). Материалы VIII Российского конгресса уголовного права. 2013. С. 101-104. (0,3 п.л.);

35. Идрисов, Н.Т. К вопросу о правовой природе и сущности квалификации преступлений / Н.Т. Идрисов // Государство и право: вопросы методологии, теории и практики функционирования. Сборник научных трудов к 45-летию юридического факультета СамГУ. Самара, 2014. С. 525-529. (0,3 п.л.);
36. Идрисов, Н.Т. Основание квалификации преступлений: понятие, виды / Н.Т. Идрисов // Научные исследования и разработки молодых ученых. 2016. №13. С. 145-149. (0,4 п.л.);
37. Идрисов, Н.Т. Квалификация преступлений и уголовно-правовая квалификация: понятие и соотношение / Н.Т. Идрисов // Наука вчера, сегодня, завтра. 2016. №10 (32). С. 125-131. (0,4 п.л.);
38. Идрисов, Н.Т. Проблемы имплементации норм международного права о наркотических преступлениях в национальное уголовное законодательство / Н.Т. Идрисов // Науки и современность. 2016. № 45. С. 197-204. (0,5 п.л.);
39. Идрисов, Н.Т. Правила квалификации совокупности преступлений как средство устранения коллизий при систематизации уголовного закона / Н.Т. Идрисов // Законность и правопорядок в современном обществе. 2016. №32. С. 99-107. (0,56 п.л.);
40. Идрисов, Н.Т. Зарубежный опыт борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и возможность его применения в России / Н.Т. Идрисов // Законность и правопорядок в современном обществе. 2016. №30. С. 108-114. (0,44 п.л.);
41. Идрисов, Н.Т. Принципы, правила и критерии правильной квалификации преступлений / Н.Т. Идрисов // Достижения вузовской науки. 2016. №23. С. 200-205. (0, 38 п.л.);
42. Идрисов, Н.Т. Периоды развития правовой регламентации наркотических преступлений в отечественном уголовном законодательстве / Н.Т. Идрисов // Вопросы современной юриспруденции. 2016. №7 (58). С. 62-70. (0,57 п.л.);
43. Идрисов, Н.Т. Введение уголовной ответственности юридических лиц за наркотические преступления: за и против / Н.Т. Идрисов // Альманах современной науки и образования. 2016. №6 (108). С. 26-28. (0,3 п.л.);
44. Идрисов, Н.Т. Актуальные проблемы уголовно-правовой регламентации прикосновенности к преступлению / Т.И. Гаврилова, Н.Т. Идрисов // Юридическая наука и практика. Альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. 2016. С. 47-49. (0,4 п.л./0,2 п.л.);
45. Идрисов, Н.Т. Несообщение о преступлении в применении к наркотическим преступлениям / Н.Т. Идрисов // Economics and politics: problems and innovations. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2016. С. 106-114. (0,6 п.л.);
46. Идрисов, Н.Т. Возвращение к советскому уголовному праву разрушает концепцию Уголовного кодекса РФ / Н.Т. Идрисов // Уголовное

право: стратегия развития в XXI веке. материалы XIV Международной научно-практической конференции. Министерство образования и науки Российской Федерации; Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Москва, 2017. С. 100-101. (0,2 п.л.);

47. Идрисов, Н.Т. К вопросу об уголовной ответственности за ненадлежащее оказание медицинских услуг в России: история, реальность, перспективы / Н.Т. Идрисов // Медицинское право: теория и практика. 2018. Т. 4. № 1 (7). С. 66-71. (0,4 п.л.);

48. Идрисов, Н.Т. Правовые взгляды А.Ф. Кони на «насильственную смерть от собственной руки» / Н.Т. Идрисов // Юридическая наука: история и современность. 2018. №7. С. 51-54. (0,3 п.л.);

49. Идрисов, Н.Т. Уголовный запрет в сфере профессиональной медицинской деятельности: реальность и перспективы правового регулирования / Н.Т. Идрисов // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2018. №11. С. 142-149. (0,5 п.л.);

50. Идрисов, Н.Т. К вопросу о необходимости закрепления приоритета национального права над международным в российской правовой системе / Н.Т. Идрисов // Актуальные проблемы юридической науки и практики: Гатчинские чтения-2018. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Гатчина, 2018. С. 305-311. (0,44 п.л.);

51. Идрисов, Н.Т. К вопросу о возможности признания отдельных положений постановлений Пленума Верховного Суда РФ элементами уголовно-правовой нормы / Н.Т. Идрисов // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы XV Международной научно-практической конференции. Москва, 2018. С. 142-144. (0,2 п.л.);

52. Идрисов, Н.Т. Нравственность как объект преступлений, связанных с использованием запрещенных в спорте субстанций и методов / Н.Т. Идрисов, Н.М. Пузырева // Обеспечение национальной безопасности - приоритетное направление уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной политики. материалы XI Российского Конгресса уголовного права, посвященного памяти доктора юридических наук, профессора Владимира Сергеевича Комиссарова. 2018. С. 104-107. (0,25/0,125 п.л.);

53. Идрисов, Н.Т. Современная структура уголовно-правового запрета на экстремистские преступления в интернете: законодательные положения и реализация в правоприменительной практике / Н.Т. Идрисов // Новеллы права и политики 2018. Материалы Международной научно-практической конференции. 2019. С. 304-309. (0,4 п.л.);

54. Идрисов, Н.Т. Нужны ли специальные уголовно-правовые запреты на врачебные преступления / Н.Т. Идрисов // Медицинское право. 2020. №3. С. 20-25. (0,4 п.л.);

55. Идрисов, Н.Т. Современные тенденции развития уголовного законодательства и правоприменительной практики о противодействии преступлениям в медицинской сфере (на основе практики Следственного

комитета России) / Н.Т. Идрисов // Юридическая ответственность в сфере здравоохранения. Сборник статей по материалам Научно-практического круглого стола. Санкт-Петербург, 2020. С. 53-61. (0,6 п.л.);

56. Идрисов, Н.Т. Уголовно-правовые запреты как средство социального управления в сфере профессиональной деятельности: проблемы регламентации и правоприменения / Н.Т. Идрисов // Journal of Science. Lyon. 2021. № 18. С. 20-23. (0,25 п.л.);

57. Идрисов, Н.Т. Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее нарушение уголовно-правовых запретов в профессиональной медицинской деятельности / Н.Т. Идрисов // Chronos. 2021. Т. 6, № 3 (53). С. 98-100. (0,2 п.л.);

58. Идрисов, Н.Т. К вопросу о целеполагании уголовно-правовых запретов / Н.Т. Идрисов // Уголовно-правовое воздействие как специальная целенаправленная деятельность государства. сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Тольяттинский государственный университет; Институт права. 2021. С. 30-34. (0,35 п.л.);

59. Идрисов, Н.Т. Парадоксы уголовно-правовых запретов / Н.Т. Идрисов // Новеллы права, экономики и управления 2021. сборник научных трудов по материалам VII международной научно-практической конференции. 2022. С. 107-110. (0,25 п.л.);

60. Идрисов, Н.Т. Воздействие уголовно-правовых запретов на сферу медицинской деятельности: содержание и некоторые результаты / Н.Т. Идрисов // Уголовно-правовое воздействие, его востребованность и реализация в механизме противодействия преступности и обеспечения национальной безопасности. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2022. С. 44-47. (0,3 п.л.);

61. Идрисов, Н.Т. Проблема определенности уголовно-правовых запретов в процессе криминализации / Н.Т. Идрисов // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы XIX Международной научно-практической конференции. Москва, 2022. С. 41-44. (0,25 п.л.);

62. Идрисов, Н.Т. Судебно-медицинская экспертиза как регулятор эффективности уголовно-правовых запретов в сфере профессиональной медицинской деятельности / Н.Т. Идрисов // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 8 (134). С. 1-5. (0,25 п.л.);

63. Идрисов, Н.Т. Уголовно-правовой запрет на получение медицинским работником вознаграждения от пациента: необходимость или социальная утопия? / Н.Т. Идрисов // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2023. № 4. С. 147-157. (0,7 п.л.).